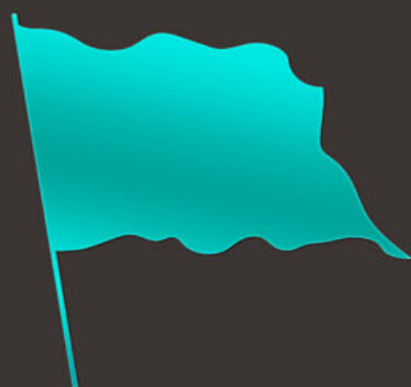

УРОКИ ИСТОРИИ

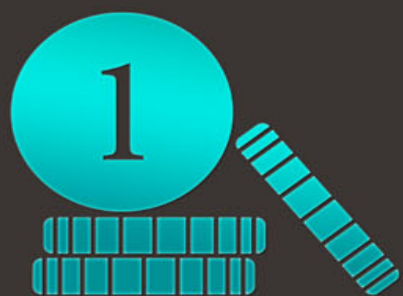
УИЛЛ
ДЮРАНТ

АРИЭЛЬ
ДЮРАНТ

ЭКОНОМИКА
ПОЛИТИКА
ОБЩЕСТВО
МОРАЛЬ
РЕЛИГИЯ
ВОЙНЫ

КОНФЛИКТЫ
КЛИМАТ
ПРОГРЕСС
ЭВОЛЮЦИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
5000 ЛЕТ

От лауреатов Пулитцеровской премии

Annotation

Собрание эссе двух выдающихся мыслителей нашего времени, охватывающее более 5000 лет истории человечества.

- [Уилл Дюрант, Ариэль Дюрант. Уроки истории. Закономерности развития цивилизации за 5000 лет](#)
 - [Эту книгу хорошо дополняют:](#)
 - [Информация от издательства](#)
 - [Вступление](#)
 - [Глава 1. О сомнениях](#)
 - [Глава 2. О Земле и истории](#)
 - [Глава 3. О биологии и истории](#)
 - [Глава 4. О расах и истории](#)
 - [Глава 5. О личностях и истории](#)
 - [Глава 6. О нравственности и истории](#)
 - [Глава 7. О религии и истории](#)
 - [Глава 8. Об экономике и истории](#)
 - [Глава 9. О социализме и истории](#)
 - [Глава 10. О государстве и истории](#)
 - [Глава 11. Об истории и войне](#)
 - [Глава 12. О расцвете и упадке](#)
 - [Глава 13. Возможен ли прогресс?](#)
 - [Библиография](#)
 - [Об авторах](#)
 - [МИФ Научпоп](#)
 - [Над книгой работали](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)

- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)

- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)

- [150](#)
 - [151](#)
 - [152](#)
 - [153](#)
 - [154](#)
 - [155](#)
 - [156](#)
 - [157](#)
 - [158](#)
 - [159](#)
 - [160](#)
 - [161](#)
 - [162](#)
 - [163](#)
 - [164](#)
 - [165](#)
 - [166](#)
 - [167](#)
 - [168](#)
 - [169](#)
 - [170](#)
 - [171](#)
 - [172](#)
 - [173](#)
 - [174](#)
 - [175](#)
 - [176](#)
 - [177](#)
-

**Уилл Дюрант, Ариэль Дюрант.
Уроки истории.
Закономерности развития
цивилизации за 5000 лет**

Эту книгу хорошо дополняют:

От шелка до кремния

10 лидеров, которые объединили мир

Джеффри Гартен

Из третьего мира — в первый

История Сингапура (1965–2000)

Ли Куан Ю

Экономика всего

Как институты определяют нашу жизнь

Александр Аузан

Злые самаритяне

Миф о свободной торговле и секретная история капитализма

Ха-Джун Чанг

Робким мечтам здесь не место

О смелости, воображении и становлении современного Израиля

Шимон Перес

Информация от издательства

*На русском языке публикуется впервые
Книга рекомендована к изданию Ярославом
Поночевным, Филиппом Астраханцевым и Юрием
Шеметило*

Дюрант, Уилл

Уроки истории. Закономерности развития
цивилизации за 5000 лет / Уилл Дюрант, Ариэль
Дюрант; пер. с англ. Арсений Черный.

ISBN 978-5-00146-309-2

Собрание эссе двух выдающихся мыслителей
нашего времени, охватывающее более 5000 лет истории
человечества.

© 1968 by Will and Ariel Durant

© 1996 by Monica Ariel Mihell and Will James Durant
Easton

Вступление

Чтобы сыграть заключительный аккорд, сначала необходимо проиграть вступление. Окончив на 1789 году нашу «Историю цивилизации» и окинув взглядом все десять томов^[1], мы все больше укреплялись во мнении о необходимости нового издания с исправлением ошибок и неточностей — как фактических, так и типографских. За время работы над переизданием у нас накопилось изрядное количество заметок, набросков и комментариев, по тем или иным причинам в основной текст не вошедших, — в них мы пытались прояснить настоящие и возможные грядущие события и рассмотреть природу человека и государства. (Ссылки в тексте на тот или иной том «Истории» носят не обязательный, но поясняющий характер.) Покуда работа над текстом не была окончена, мы всеми силами старались воздержаться от вынесения собственных суждений, однако, несомненно, наш взгляд на события и действующие лица в любом случае определялся выбором примеров. В результате всего перечисленного появилось настоящее собрание наших эссе. В них мы подчас повторяем и самих себя, и тех, кто высказывал те же идеи до нас; тем не менее смеем заметить, что нашей целью была вовсе не оригинальность, а всесторонний охват не наших личных прозрений, но исторической совокупности человеческого опыта.

Спешим в очередной раз искренне поблагодарить за поддержку и помощь нашу любимую дочь Этель.

Уилл и Ариэль Дюрант

Глава 1. О сомнениях

Подходя к конечной точке своих исследований, историк встречается с рядом непростых вопросов. Был ли в твоей работе прок? Было ли в ней что-либо еще помимо увлекательного изложения взлетов и падений тех или иных народов и пересказа «преданий о смерти королей»^[2]? Удалось ли узнать что-то новое о человеческой природе или случайный прохожий на улице, не читавший твою книгу, знает о проявлениях оной ровно столько же? Пролил ли ты хоть немного света на события настоящего? Вынес ли ценные наставления, благодаря которым мы укрепимся в наших решениях и поступках? Указал ли, как лучше подготовиться к грядущим превратностям и невзгодам? Нашел ли ты в событиях прошлого то, что поможет предсказать судьбу людей или государств? Быть может, в конце пути все же выяснится, что «у истории нет никакого смысла»^[3] и она ничему нас не учит? А что если все наше богатое прошлое было лишь утомительной чередой ошибок, которые нам предначертано повторить с еще большим размахом?

Подчас так и кажется: нас захлестывают волны сомнений, и мы рискуем бесславно пойти ко дну. И все же давайте разбираться: знаем ли мы *на самом деле*, каким было прошлое, о котором мы говорим, или же история — эдакая «басня», о сюжете которой мы так и не можем «договориться»^[4]? Без сомнения, наше знание прошлого всегда неполно и, вероятно, неточно; оно омрачено то двусмысленностью свидетельств, то предвзятостью самих свидетелей, а порой искажено в угоду нашим религиозным или патриотическим устремлениям. «Большая часть истории — гадание; остальное — предрассудки»^[5]. Даже если историк

вознамерился быть абсолютно беспристрастным по отношению к своей стране, расе, конфессии или классу, он все равно выдаст себя — в первую очередь выбором материала для исследования, да и манерой говорить о предмете. «Историк всегда стремится к упрощению: он любит иметь дело с небольшим количеством легко обрабатываемых фактов и в спешке отворачивается от огромного количества живых людей и событий, всю сложность взаимосвязей и действий которых он никогда не сможет ни описать, ни постичь»^[6]. Опять же, с ускорением развития, со всеми произошедшими переменами наши выводы — от изучения прошлого до прогнозов на будущее — становятся все более и более категоричными и потому рискованными. В 1909 г. Шарль Пеги^[7] утверждал, что «за последние тридцать лет мир изменился больше, чем со времен Христа»^[8]. Пожалуй, какой-нибудь молодой физик в наши дни прибавил бы к этому, что с 1909 г. в его области знаний стало известно больше, чем за все предшествующие столетия. Каждый год, а порой — например, во время войны — каждый месяц совершаются открытия, появляются изобретения, вводятся в оборот новые методы, что требует свежего взгляда и новых моделей поведения. Более того, мы все яснее видим, что как в проводимости металлов, так и в образе жизни людей принимает участие элемент случайности, а быть может, и свободы. Ныне мы уже не столь уверены, что атомы и еще более мелкие частицы всего сущего в будущем начнут вести себя так же, как в прошлом. Электроны, подобно Господу в известном гимне Купера, «изыскивают тайные пути, творя свои дела»^[9]. Что уж говорить о людях, черты характера которых или же случайные обстоятельства могут в одночасье нарушить равновесие политических сил, как произошло, например, в 323 г. до н. э., когда Александр

Македонский взял да и напился до смерти и вся его огромная империя рухнула; или когда во время Семилетней войны Фридрих Великий вместе со всей Пруссией стоял на краю пропасти и лишь внезапная смена власти на русском престоле уберегла и короля, и державу от катастрофы.

Совершенно очевидно, что описание исторических событий^[10] не может быть научной дисциплиной. Оно является лишь ремеслом, родом искусства и философии: ремеслом — добывания фактов, искусством — приносить порядок в их разрозненный и бессмысленный ворох, философией — ищущей в них прозрения о будущем. Людям свойственно верить и надеяться, что «настоящее — это развернувшееся в действии прошлое, а прошлое — это развернутое для понимания настоящее»^[11]. В философии мы предпринимаем попытку выхватить и понять часть в свете целого; в «философии истории» пытаемся разглядеть в свете прошлого момент настоящего. Нет сомнения, что в обоих случаях перед нами стоит задача, превосходящая человеческие возможности, поскольку бесконечная перспектива — оптическая иллюзия. Ведь мы не знаем результатов человеческой истории; мы даже едва знакомы с ее истоками — вероятно, существовало множество цивилизаций до шумерской и египетской! Поэтому мы вынуждены обходиться фрагментарным знанием и временно примириться с необходимостью оперировать вероятностями. В истории, как и в естественных науках или политике, все закономерности и формулировки могут быть опровергнуты^[12]. «История открыто смеется над любой попыткой заковать свободное ее течение в рамки теоретических концепций или умозрительных закономерностей; история свирепым ураганом расшвыривает все наши обобщения, рушит

устанавливаемые нами правила; история, подобно барокко, всегда неупорядоченна и причудлива»^[13]. Пожалуй, исходя из подобного определения, мы сможем достаточно почерпнуть из истории, чтобы терпеливо переносить тяготы действительности и с уважением относиться к заблуждениям друг друга.

Человек — лишь миг астрономического времени, гость, ненадолго пришедший на просторы нашей планеты, но в то же время это представитель своего вида и рода, своей расы; это его тело, характер, умственные способности; он член семьи и общества, богоискатель или богоборец, верующий или неверующий; он часть экономической системы, возможно, что и гражданин или же военнослужащий — а значит, он действующее лицо (а также предмет исследования) соответственно астрономии, геологии, географии, биологии, этнологии, психологии, этики, религии, экономики, политики и военного дела. Что же может добавить от себя история о природе, нынешнем положении и дальнейших перспективах человека? Сжать тысячи и тысячи столетий человеческой истории до сотни страниц выводов, сотканных из гипотез и допущений, — занятие весьма сомнительное, достойное сущего дурака^[14]. А потому — продолжим.

Глава 2. О Земле и истории

А теперь давайте, опираясь на тревожную двойственность истории, определим ее как фиксацию событий прошлого. В масштабах Вселенной человеческая история — лишь краткий миг, и этим она учит нас скромности. В любой момент какая-нибудь комета может пролететь совсем рядом с нашей крошечной планетой, играючи заставив ее в агонии вращаться вспять или попросту испепелив своим жаром всех людей, словно попавшихся в мухоловку насекомых. Или нашей планете повстречается небольшой улыбчивый астероид, мимоходом, по касательной, заглянувший поздороваться — подобно тому, как полагают многие ученые, который встретился ей пару астрономических мгновений назад, — и принеший с собой конец, полный страданий и мук. Мы принимаем все эти возможности и гордо обращаемся к космосу словами Паскаля: «Но пусть Вселенная и раздавит человека, он все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство Вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает»^[15].

История, таким образом, является «служанкой», подразделом геологии. Каждый день море захватывает новый кусок суши или же часть суши оползает в море; города исчезают в толщах воды, и тонущие соборы оглашают окрестности грустным прощальным звоном. Повинуясь тревожному ритму эрозии, то воздвигаются, то проваливаются целые горы; реки, поднимаясь, выходят из берегов или пересыхают, а то и вовсе начинают течь вспять; цветущие долины обращаются в пустыни, а перешейки — в проливы. Геолог опытным взглядом смотрит на поверхность нашей планеты как

на нечто непостоянное и изменчивое; человек на ней подобен утопающему Петру, пытавшемуся по волнам подойти к Христу.

Климат сегодня уже не столь жестко контролирует нас, как считали Монтескьё и Бокль^[16], но все же накладывает свои ограничения. Впрочем, человек, благодаря своей изобретательности, часто может обойти подобные препятствия: к примеру, мы научились орошать пустыни и поддерживать температуру и влажность воздуха в Сахаре, сравнивать с землей и преодолевать горы, высаживать виноградники на холмах. Мы даже можем выстроить плавучий город, чтобы пересечь океан, или построить гигантскую металлическую птицу для воздушных перелетов. Однако торнадо может за час обратить в руины город, отстраивавшийся веками, а айсберг — перевернуть или распороть на лоскуты плавучий дворец, отправив тысячу праздных гуляк изучать, что же скрывается под его верхушкой. Или, скажем, дожди вдруг становятся чрезвычайно редки, и вот цивилизация Центральной Азии уже погребена в песках; или, наоборот, дожди бушующими потоками низвергаются с небес, и непроходимые джунгли душат цивилизацию Центральной Америки. Представим скачок средней температуры в благополучных странах на 20 °С, и весь цивилизованный мир вновь погружается в полулетааргическое, дикое состояние. Полмиллиарда жителей субтропических стран размножились со скоростью насекомых, однако изнурительная жара легко швырнула их к ногам завоевателей из более щадящих климатических зон. Люди, поколение за поколением, учились все лучше и тщательнее понимать и обрабатывать землю, но им было суждено лишь удобрить ее.

География — матрица истории, ее кормящая мать, дом, взрастивший и воспитавший ее. Реки, озера, оазисы и океаны испокон веков притягивали к своим берегам поселенцев, поскольку вода дает начало всякой жизни, в том числе городской, а также транспортной и торговой. Египет был, по определению Геродота, «даром Нила», а народы Месопотамии создали успешные цивилизации в Междуречье — меж двух полноводных рек. Индия — верная дочь Инда, Брахмапутры и Ганга. Китай обязан существованием (и связанными с ним бедами) своим великим рекам, имеющим привычку периодически бушевать и затапливать все на своем пути. Италия облюбовала живописные долины Тибра, Арно и По. Дунай взрастил на своих берегах австрийскую культуру, Эльба и Рейн — германскую, а Рона, Луара и Сена — французскую. Пустынные оазисы питали Петру и Пальмиру.

Когда греков стало слишком много для того, чтобы всем им дружно жилось в единых границах, они начали основывать колонии вдоль побережья Средиземного моря (теснясь «словно лягушки вокруг болота», по словам Платона^[17]), а затем и Черного. С тех самых пор, на протяжении двух тысячелетий, начиная с битвы при Саламине в 480 г. до н. э. и заканчивая разгромом Непобедимой армады в 1588 г., северные и южные берега Средиземного моря были предметом раздора между стремящимися к владычеству белыми людьми. Но почти в то же время — с 1492 г. — морские открытия Колумба и Васко да Гамы призвали всех потягаться силами с Океаном. Важность средиземноморских торговых путей была поставлена под сомнение: Генуя, Пиза, Флоренция и Венеция постепенно пришли в упадок; вскоре стал клониться к закату и весь европейский Ренессанс. Цивилизация взяла курс на Атлантику, вскоре распространив свою влияние

на добрую половину земного шара; «На запад путь империи лежит», — чутко уловил веяния времени Джордж Беркли в стихотворении, написанном в 1726 г. Но что же дальше? Ляжет ли этот курс и далее через Тихий океан? Принесет ли он европейские и американские торгово-промышленные практики в Китай, как ранее наводнил ими Японию? Не обернется ли освоение плодородным и обильным Востоком новейших технологий Запада упадком последнего?

Развитие самолетостроения вновь заставит нас перерисовать карту цивилизаций. Торговые пути станут все менее зависимы от рек и морей, а грузы и людей все чаще будут доставлять по воздуху. Такие страны, как Англия и Франция с их обширными морскими границами, будут терять накопленное годами кропотливой работы коммерческое преимущество. Россия, Китай и Бразилия, всегда страдавшие от громадности собственных территорий и потому малой доступности побережий, компенсируют это неудобство за счет воздушного транспорта. Приморские города потеряют существенную долю доходов от транспортировок грузов с корабля на поезд и наоборот. Когда море окончательно уступит свое могущество воздуху, перед нами развернется очередная историческая революция.

С развитием технологий ослабевают географические факторы. Характером местности задается ее пригодность для сельского хозяйства, добычи угля или руды, развитой торговли и прочего, однако лишь богатое воображение и смелая инициатива лидеров и правителей, а также их усердных последователей может превратить возможности в реальность. Только наличие подобного слаженно работающего механизма (как, скажем, в современном Израиле) дает возможность культуре раскрыться и обрести подлинное величие, несмотря на тысячи

преград. Именно человек, а не земля творит цивилизацию.

Глава 3. О биологии и истории

История — фрагмент биологической картины мира: жизнь человека — частный случай страдания морских и сухопутных организмов на нашей планете. Гуляя летним днем в лесу, мы наблюдаем мириады бегающих, прыгающих, лазающих, ползающих, летающих и иных существ. При нашем приближении все они стремятся скорее спрятаться: птичья стая рассыпью взмывает в небо, рыбы расплываются кто куда. В такие минуты неожиданно ясно осознаешь, что наш род — лишь опасное меньшинство среди населяющих планету живых существ; мы ощущаем себя так, как, очевидно, видят нас все эти в тревоге попрятавшиеся зверьки, — чужаками, без ведома и приглашения вторгшимися в их дом. И тогда вся история и все достижения человечества вплетаются в общую историю всего живого; наша экономическая конкуренция, стремление к дружбе и любви, голод, страдания и войны — все это сродни тому, что борется, ищет, сражается и страдает под поваленным деревом, в пруду, среди листвы и ветвей.

Отсюда следует, что законы биологии представляют собой фундаментальные уроки истории. Мы — фигуранты эволюции, приговоренные к борьбе, в которой выживают сильнейшие. Если кто-то перестает участвовать в процессе и прекращает борьбу, он не погибает за счет того, что индивида защищает группа; сама же группа обязана в целях собственного выживания и выживания своих членов бороться непрерывно.

Итак, первый урок, который биология преподносит истории, заключается в следующем: жизнь — это соревнование, то есть всеобщая ревность по отношению

к жизненно важным ресурсам. Когда еды вдоволь, оно протекает мирно, если же ртов становится больше, чем ложек, — принимает жестокие и кровавые формы. Животные поедают друг друга без зазрения совести; цивилизованные люди истребляют себе подобных в установленном законом порядке. Сотрудничество вполне возможно и способствует общественному развитию. Однако это происходит за счет того, что оно также является инструментом и формой соревнования: мы сотрудничаем в рамках нашей группы — семьи, сообщества, клуба, церковной общины, партии, расы, народа и так далее — в целях ее усиления в соревновании с другими группами. Соревнующиеся между собой группы обладают теми же качествами, что и входящие в них индивиды: жаждой накопления и наживы, воинственностью, предвзятостью, тщеславием. Наши государства — это мы же, рассмотренные в огромное увеличительное стекло, и потому они функционируют таким же образом, как и мы, лишь резче и ярче прорисовывая, благодаря гигантскому масштабу, злое и доброе в нас. Это мы жаждем наживы, мы алчны, мы желаем войны, потому что в наших жилах течет память тысячелетий погонь и схваток ради выживания ради того, чтобы насытиться сейчас же из страха, что в скором времени этого больше сделать не удастся. Война — способ насыщения народов. Она до предела развивает сотрудничество, поскольку является предельной формой соревнования. Покуда наши государства не станут членами одной большой группы, стремящейся их защитить, они всегда будут вести себя подобно соперничающим охотничьим кланам.

Второй урок: для выживания организма или группы необходима селективность, или отбор. Соревнуясь за пропитание, партнера или влияние, некоторые организмы преуспевают в этом, другие же терпят неудачу. К схватке за существование одни подошли

более подготовленными, чем другие. По причине того, что Природа (будем подразумевать под этим понятием совокупность всей жизни на планете) не слишком внимательно читала Декларацию прав человека, все мы рождаемся на свет не свободными и не равными: мы с самого начала заключены в темницы физиологической и психологической наследственности, обрядов и традиций групп, к которым принадлежим. Мы совершенно в разной степени наделены физическими и умственными способностями, личностными качествами и чертами характера. Природа очень любит разнообразие, поскольку оно помогает осуществлять отбор, а с ним — эволюцию. Поэтому даже между однояйцевыми близнецами обнаружатся сотни различий и никогда не найдется двух абсолютно идентичных капель воды.

Неравенство — не только естественное, наследуемое от рождения качество; оно также приобретается и увеличивается по мере развития цивилизации. Наследуемое неравенство порождает неравенство искусственное и социальное. Любое изобретение или открытие совершается неким отдельным, *выдающимся* человеком (или группой) и призвано усилить сильное или же еще более ослабить слабое. Экономическое развитие распределяет людей — согласно их навыкам и способностям — исполнять ту или иную функцию, закрепляя их неравноценность для группы. Если бы были досконально известны качества и возможности всех живущих людей, из них можно было бы с легкостью отобрать примерно 30% тех, чьи совокупные качества и возможности перекрывали бы таковые у оставшейся части. Жизнь и история заняты именно этим, проводя свой план в жизнь путем великой и жесточайшей несправедливости, напоминающей Бога Жана Кальвина^[18].

Природа смеется над нашими утопическими союзами, основанными на принципах «свободы и равенства», ведь свобода и равенство — вековые и заклятые враги: успех одного означает неминуемый крах другого. Дайте людям полную свободу, и их природное неравенство возрастет практически в геометрической прогрессии, как было, например, когда в Англии и Америке в XIX столетии вовсю пропагандировались идеи *laissez-faire* (лесе-фэр)^[19]. Чтобы справиться с ростом неравенства, необходимо принести на жертвенный алтарь свободу, как случилось в России после 1917 г. Впрочем, неравенство возрастает, даже будучи притесняемо: лишь находящийся за чертой бедности жаждет равенства, уверенный же в своих превосходящих силах и возможностях вожделеет свободу. Верх в конце концов одерживают превосходящие силы. Утопии равенства обречены на неудачу биологически, и лучшее, на что может рассчитывать доброжелательно настроенный к людям философ, — это условное равенство, даруемое законом и общей образовательной системой. Таким образом, общество, дающее шанс развиваться и проявиться всем потенциальным способностям своих членов, получит серьезное конкурентное преимущество перед другими во всеобщей борьбе за выживание, которая, с учетом влияния прогресса на уменьшение расстояний, будет обретать все более и более ожесточенный характер.

Третий урок таков: и организмы, и группы — строго говоря, все живое — обязательно должны производить себе подобных; в противном случае они не представляют для Природы никакого интереса и попросту вымрут. Природа страстно жаждет *количества* как необходимой предпосылки для отбора наивысшего *качества*. Природе по нраву обильные помёты,

доставляющие ей удовольствие лицезреть борьбу за выживание самых упорных индивидов. Без сомнения, она с большим воодушевлением следит за тем, как тысячи сперматозоидов, все как один, спешат оплодотворить одну яйцеклетку. Природа намного более заинтересована в видах, нежели в конкретных индивидах, и потому не усматривает большой разницы между цивилизацией и варварством. Ее мало тревожит, что быстрый рост рождаемости зачастую сопровождается весьма низким уровнем культурного развития, в то время как спад является признаком высокоразвитой цивилизации. Природа (здесь подразумевается процесс рождения, вариативности, соревнования, отбора и выживания) хлопочет о том, чтобы народы с низким уровнем рождаемости периодически отрезвлялись под воздействием плодовитых и жизнеспособных групп. Галлы пережили германское нашествие при помощи римских легионов во времена Цезаря — а также английских и американских в наши дни. После падения Рима в Галлию пришли франки, где основали государство Францию; если бы Англия с Америкой пали, то Франция, где уровень рождаемости остановился на показателях XIX в., вполне могла снова оказаться захваченной.

На случай, если людей станет чрезмерно много, у Природы, чтобы прокормить всех, есть три товарища, служащие ей для восстановления равновесия: голод, эпидемия и война. В знаменитом «Опыте о законе народонаселения» (1798) Томас Мальтус^[20] указывает, что без этих периодических встрясок уровень рождаемости уже давно превысил бы уровень смертности и появление такого количества голодных ртов свело бы на нет любой успех пищевой промышленности. Несмотря на то что Мальтус был священником и вообще добрым человеком, он все же

отметил, что фонды помощи и поддержки способствуют ранним бракам и безответственным беременностям среди необеспеченных слоев, что еще более осложняет дело. Второе издание своего труда (1803) он снабдил советом воздержаться от соития, если не планируется зачатие, осудив, однако, прочие методы контроля рождаемости. Мало, впрочем, надеясь на то, что его благочестивый совет услышат и воспримут, он предсказал, что численное равновесие между ртами и количеством пропитания в будущем станет поддерживаться голодом, эпидемиями и войной.

Однако развитие сельского хозяйства и методов контрацепции в XIX в. опровергли прогноз Мальтуса: в Англии, США, Германии и Франции количество продовольственных ресурсов успешно соответствовало темпам рождаемости, а повышение уровня жизни положительно сказалось на возрасте вступления в брак и размерах семьи. Увеличение потребителей отозвалось увеличением производителей: новые «руки» стали обрабатывать новые земли, обеспечивая нужное количество продовольствия. Недавний пример того, как Канада и Соединенные Штаты экспортировали миллионы бушелей ^[21] зерна при отсутствии даже малейшего намека на голод или эпидемию, пожалуй, является ответом Мальтусу от лица самой жизни. Если бы существующие сельскохозяйственные знания применялись повсеместно, наша планета смогла бы прокормить и население вдвое большее против нынешнего.

Мальтус, естественно, ответил бы возражением, что эти меры лишь отсрочивают неизбежную катастрофу. Известны пределы плодородности почвы, и любое улучшение сельскохозяйственных технологий рано или поздно будет сведено на нет уровнем рождаемости, превысившим уровень смертности. Параллельно с этим

развитие медицины, улучшение санитарных условий и распространение благотворительности лишают смысла и закон селективности, помогая выживать тем, кто неспособен к воспроизводству, — а между тем их число продолжает увеличиваться. Стоит надеяться, что расширение производства, урбанизация, развитая система образования и повышение уровня жизни произведет на страны, угрожающие ныне миру своими темпами рождаемости, тот же эффект, что в свое время на Европу с Северной Америкой. А пока баланс между производством и воспроизводством лишь ожидается, наиболее гуманно было бы разнести по этим странам весть о новых средствах контрацепции. В идеале деторождение должно стать привилегией здоровья, а не побочным продуктом сексуального просвещения.

Известны ли доказательства того, что контроль над уровнем рождаемости пагубно сказывается на генетике и, соответственно, понижает уровень интеллектуального развития народа, осуществляющего такой контроль? Судя по всему, к этой мере скорее прибегали более интеллектуально развитые люди, чьи устремления просветить население перечеркивались обильным потомством тех, кого наставить на путь истинный не удалось. Однако же большая часть совокупности качеств, которую мы называем интеллектом, есть результат самостоятельного образования, использования возможности получить тот или иной опыт и так далее. Доказательств же тому, что подобные интеллектуальные приобретения передаются генетически, у нас нет. Даже детям докторов наук приходится учиться вместе со всеми остальными, совершать типичные ошибки, зубрить правила и постигать разные — измы. Также мы не имеем возможности оценить, какой потенциал скрывается в хромосомах больных или родившихся в бедных семьях детей. С биологической точки зрения вполне возможно,

что физические качества, здоровье человека, полученные при рождении, обладают большим весом по сравнению с его интеллектуальным генетическим багажом; Ницше, к примеру, считал, что лучшая немецкая кровь течет в жилах крестьян. С точки зрения биологии он был, вероятно, прав: философы — вряд ли наиболее подходящий материал для создания новой «расы».

Контроль над уровнем рождаемости сыграл свою роль и в античной истории. К примеру, Юлий Цезарь объявил, что многодетные семьи получают награду, а бездетным женщинам отныне запрещено пользоваться для передвижения носилками и надевать драгоценности. Ту же кампанию 40 лет спустя (и так же неудачно) будет вести и император Август. Контроль рождаемости вновь вышел на первый план, когда численность переселившихся германцев, греков и семитов сравнялась с населением всей Италии^[22]. Вполне вероятно, что подобное изменение этнического состава также внесло свою лепту в ослабление общего желания проявить стойкость и сопротивление как некомпетентному управлению, так и атакам на само государство извне.

Низкий уровень рождаемости среди англосаксонского населения Соединенных Штатов Америки уменьшил их экономическое и политическое влияние; в то же время высокие темпы рождаемости среди католических семей страны позволяли прогнозировать, что к 2000 г. Римско-католическая церковь станет доминирующей политической силой как на муниципальном, так и на общегосударственном уровне. Схожим образом католичество восстанавливается в правах во Франции, Швейцарии и Германии; родные земли Вольтера, Кальвина и Лютера в скором времени вполне могут вернуться в

лоно папской церкви. Таким образом, уровень рождаемости, как и война, способен влиять на конфессиональные вопросы, подобно тому как поражение арабского войска в битве при Пуатье в 732 г. [\[23\]](#) удержало Францию с Испанией от того, чтобы сменить Библию на Коран, дабы более организованные, добропорядочные и многодетные католики могли потом положить предел Реформации и Просвещению. История — воистину лучший в мире юморист.

Глава 4. О расах и истории

[\[24\]](#)

На нашей планете проживает примерно 2 миллиарда цветного населения и около 900 миллионов белого [\[25\]](#). Тем не менее, когда граф Артюр де Гобино [\[26\]](#) объявил в «Опыте о неравенстве человеческих рас», что род человеческий на самом деле соткан из разных расовых лоскутьев, обладающих от рождения совершенно разными физическими и ментальными свойствами и даже чертами характера. Это произвело настоящий фурор среди бледнолицего населения. Превыше всех прочих Гобино ставил расу «арийцев».

Все, что есть на земле великого, благородного, плодотворного, что составляет такие человеческие творения, как наука, искусство, цивилизация, — все это происходит из одного корня, из одной идеи, принадлежит к одному семейству, различные ветви которого правили во всех обитаемых уголках вселенной.

<...>

Вот чему учит нас история. Она показывает, что всякая цивилизация берет начало от белой расы и ничто не может долго продержаться без ее участия, что общество может быть великим и процветающим лишь в той мере, в какой оно сохраняет сотворившую ее благородную группу, и что сама эта группа принадлежит к самой развитой ветви нашего рода [\[27\]](#).

Подъем цивилизации нельзя объяснить сугубо ландшафтом и климатом, утверждал Гобино:

плодородные земли близ крупных рек, взрастившие великие цивилизации Древнего Египта или Междуречья, не сделали того же, скажем, для индейцев в Северной Америке. Нельзя приписывать заслугу цивилизации и какому-либо конкретному строю, поскольку успеха добивались абсолютно разные, порой совершенно полярные политические системы вроде египетской монархии и афинской демократии. Таким образом, единственное, что оставалось везде и всегда и чему цивилизации обязаны своими взлетами и падениями, — врожденные расовые качества и свойства людей. Далее Гобино говорит о вырождении цивилизации, то есть ее постепенном закате и окончательном упадке, уточняя: «Народы деградируют лишь в результате и пропорционально степени смешения их кровей»^[28]. Зачастую так происходит в результате смешанных браков между сильными представителями расы захватчиков и более слабыми — расы захваченной. Таким образом, демонстрируется превосходство белых людей, населивших Соединенные Штаты и Канаду (не вступавших в браки с индейцами), над белыми в Латинской Америке (охотно вступавшими). О равенстве рас, о том, что «все люди братья»^[29], склонен говорить лишь тот, кто сам — плод такого «надломленного древа». Человек, обладающий сильным и мужественным характером, всегда печется о своей расе, инстинктивно отвергая саму возможность вступить в брак с представителем другой расовой группы.

Чуть позже, в 1899 г., Хьюстон Чемберлен^[30] — англичанин, всю жизнь проживший в Германии, — издал на немецком языке работу, озаглавленную «Основания XIX столетия», в которой он прослеживал созидующую мощь от арийской расы к тевтонцам. «Истинная история начинается в тот миг, когда

германцы сильной рукой берут наследие древности»; лицо Данте Чемберлен находит типическим, характерно германским; он безошибочно улавливает германские нотки у апостола Павла в Послании к Галатам и, хотя и не имеет абсолютной уверенности в том, что Спаситель был также германцем, но все же указывает, что «тот, кто утверждает, что Христос был евреем, либо невежествен, либо лжив»^[31]. Современники, даже не согласные с такой точкой зрения, весьма сдержанно и корректно пытались ему возразить, постоянно оговариваясь при этом; Трейчке^[32] и Бернгарди^[33] признавали, что немцы — величайший из народов современности, Вагнер наполнил этой теорией свою музыку; затем Альфред Розенберг провозгласил германскую кровь и почву вдохновителями «мифа XX в.»^[34]. Все это способствовало приходу к власти в Германии Адольфа Гитлера, развязавшего в Европе кровавую бойню.

Американец Мэдисон Грант в изданной в 1916 г. работе «Конец великой расы» заявил, что заслуга в создании цивилизации принадлежит родственной арийцам расовой ветви, которую он называл «нордической». Нордиками были скандинавы, скифы, балтийские немцы, англичане и американцы англосаксонского происхождения. Закаленные суровыми холодами племена светловолосых и голубоглазых «бестий» хлынули через Русь и Балканы на полусонный и вялый юг континента, сметая все на своем пути, знаменуя восход новой истории. Согласно Гранту, племя «саков» (неких пращуров скифов?) завоевало Индию и даровало индоевропейской семье санскрит в качестве общего праязыка, а также установило кастовую систему, дабы предотвратить вырождение вследствие смешанных браков с невежественными местными племенами. Киммерийцы

через Кавказские горы ринулись в Персию; фригийские племена хлынули в Малую Азию; ахейцы и дорийцы — в Грецию и на Крит; умбрийцы и тосканцы — в Италию. Везде и всегда нордики были отважными воителями и авантюристами, обращая более слабые народы в подданных и рабов. Так, результатом смешения нордики с праздной «средиземноморской» расой и покорной «альпийской» стали Афины времен Перикла и Римская республика. Мужественные дорийцы реже поддерживали смешанные браки в своей среде, и от них произошли спартанцы — воинственная нордическая каста, постепенно обратившая неконфликтных средиземноморцев в рабов-илотов^[35]. Смешанные браки ослабили нордики Аттики, что привело к поражению, нанесенному Спартой Афинам в Пелопоннесской войне, и покорению Греции более чистой ветвью нордики из Македонии и Рима.

Следующей волной нашествия нордики — готов и вандалов из Скандинавии и Северной Германии — была повержена и Римская империя; англы и саксы завоевали Англию, подарив ей новое имя; франки захватили Галлию и также даровали ей новое название. Чуть позже нордические норманны, в свою очередь, захватили земли и Франции, и Англии, и Сицилии. Нордические ломбардцы с длинными бородами завоевали часть Италии и, постепенно смешиваясь с местными племенами, подвигли Милан и Флоренцию на Возрождение. Нордические варяги пришли в русские земли и правили ими вплоть до 1917 г. Нордические англичане колонизировали Америку с Австралией, завоевали всю Индию и взяли под контроль практически каждый крупный порт Азии.

В наше же время, сокрушается Грант, нордическая раса практически полностью растеряла былую удаль, позабыв свое великое дело. Нордическая поступь, по

его мнению, стала менее уверенной начиная с Великой французской революции 1789 г.; достаточно вспомнить пламенные воззвания Камиля Демулена^[36] в Кафе-де-Фуайе о том, что революция — это восстание исконных галлов против тевтонских франков, пленявших их со времен Хлодвига^[37] и Карла Великого^[38]. Крестовые походы, Тридцатилетняя война, Наполеоновские войны, Первая мировая война ослабили нордиков, истощив до предела их возможности противостоять высокой рождаемости средиземноморцев и альпийцев в Европе и Америке. Если к 2000 г. ничего не изменится, предрекал Грант, то нордическая власть окончательно падет, а с нею и вся западная цивилизация, смытая потоками новых варваров, бьющими снаружи и изнутри. Грант отдает должное средиземноморцам: пусть они и уступают нордикам и альпийцам в силе, но превосходят тех в интеллекте и искусстве, и именно им мы обязаны классическими культурами Древней Греции и Рима (на которые, впрочем, также в большой степени оказал влияние и приток нордической крови).

Некоторые слабые места расовых теорий совершенно очевидны с первого же взгляда. Скажем, китайский ученый напомнил бы, что его народ создал самую несокрушимую в нашей истории цивилизацию, известную политическими деятелями, изобретателями, художниками, поэтами, учеными, философами и святыми, берущую начало во II тысячелетии до н. э. и существующую поныне. Мексиканский ученый указал бы на величественные строения майянской, ацтекской и инкской культур доколумбовой Америки. Ученый из Индии, признавая, конечно, вклад ариев в культуры Северной Индии примерно за 16 столетий до новой эры, отметил бы, что и в южной ее части дравиды создавали великие памятники зодчества и поэзии (включая поражающие воображение храмы Шиве в Ченнаи,

Минакши в Мадуре и Ранганатхи в Шрирангаме). Не менее величественное впечатление производит и гигантский кхмерский храм Ангкор-Ват. Словом, история, страдая дальтонизмом, вполне умела создавать цивилизации руками практически любого цвета.

Даже если подобные теории ограничиваются лишь описанием «белой» цивилизации, расовые вопросы по-прежнему сложны. Семиты припомнят Вавилон, Ассирию, Сирию, Палестину, Финикию, Карфаген и исламские государства. Евреи даровали Европе Библию и христианство, равно как и большую часть Корана мусульманам. Мусульмане также могут представить длинный список правителей, поэтов, ученых и мыслителей, каждый из которых по-своему очаровывал белых людей от Багдада до Кордовы, пока Европа на ощупь пробиралась сквозь Темные века (VI–X вв.)^[39].

Древние культуры Египта, Греции и Рима являлись в большей степени результатом совокупности географических, экономических и политических факторов, нежели расовых возможностей. Стоит, однако, отметить, что эти культуры весьма многое переняли от Востока^[40]. К примеру, из Малой Азии, с Крита, из Финикии и Египта греки позаимствовали стили искусства и алфавитное письмо. Во II тысячелетии до н. э. греческая культура была «микенской», частично заимствованной у критян, которые, по всей видимости, принесли ее из Малой Азии. Пришедшие через Балканы «нордические» дорийцы в 1100 г. уничтожили большую часть протогреческой цивилизации, и лишь спустя довольно значительный период в несколько столетий на этой земле произросла великая греческая культура со Спартой, Ликурга, Милетом, Фалесом, Эфесом, Гераклитом, Лесбосом, Сапфо и Афинами, Солон. Начиная с VI в. до н. э. греки распространили свою культуру по

всему Средиземноморью: в Дуррес и Таранто, Кротону и Калабрию, Сиракузы и Неаполь, Ниццу и Монако, Марсель и Малагу и так далее. Из греческих городов на юге Италии и, вероятно, азиатской по своему происхождению Этрурии родилась цивилизация Древнего Рима, давшего начало и всей цивилизации Западной Европы, откуда она перекочевала в Северную и Южную Америку. Начиная с III в. уже нашей эры различные кельтские, тевтонские и азиатские племена опустошили и практически полностью уничтожили классические культуры на территории Италии. В сумме мы имеем вот что: Юг создает цивилизации, Север их завоевывает и, разрушая, черпает из них и распространяет далее.

Попытки вывести зависимость успехов цивилизации из соотношения размеров и веса мозга либо из физиогномических данных той или иной расы также мало способствовали успешному решению проблемы. Да, конечно, чернокожим в Африке под нещадно палящим солнцем не удалось создать великую цивилизацию (интересно, насколько успешно справились бы с этим на Черном континенте представители белых рас?). В то же время обратите внимание, какое огромное количество афроамериканцев, несмотря на тысячи и тысячи социальных препон, сумели за прошедшее столетие достичь высоких постов, получить ученые степени и обрести успех в искусстве.

Раса играет в истории скорее подготовительную, предваряющую роль, нежели созидющую. Различные племена и кланы проникают в одну местность разными путями и в разное время, перемешивая свою кровь, традиции и изменяя маршруты друг друга, подобно тому как смешиваются два разрозненных набора генов при зачатии. Такой этнический «коктейль» по прошествии времени может породить неизвестный

ранее тип людей, составляющих новый народ. Например, кельты, римляне, англы, саксы, юты, даки и норманны, переплавившись в едином тигле, выковались в англичан. Обретая форму, новый человек производит на свет уникальные культурные средства ее выражения; таким образом создается новая цивилизация — иная физиогномика, характерные черты и особенности людей, язык, литература, религия, этические установки и искусство. Вовсе не расы куят цивилизации, но сами цивилизации выковывают и людей, и народы: географические, экономические и политические условия порождают культуру, которая формирует затем новый тип человека. Англичанин куда в меньшей степени создает английскую цивилизацию, нежели она сотворяет его самого. Если он всегда и везде носит ее с собой, скажем, переодеваясь к обеду, даже находясь в Тимбукту, это вовсе не означает, что он создает цивилизацию заново, — скорее он признаёт ее владычество над своей душой и телом. На длительном этапе подобные различия в традициях имеют свойство поддаваться влиянию окружающей среды: северяне, долгое время живущие в тропиках, в избытке перенимают характерные черты южан, а внуки южан, перебравшихся с залитых солнцем полей и холмов в холодные северные земли, включаются в более стремительный темп жизни.

С этой точки зрения американская цивилизация все еще находится на стадии расового смешения. Между 1700 и 1848 гг. белые американцы, селившиеся севернее Флориды, были преимущественно англосаксонского происхождения, а культура представляла собой культуру Старой Англии на почве Новой. После 1848 г.^[41] для всех прочих белых народов двери в Америку распахнулись и начался новый этап выплавления, который, пожалуй, вряд ли завершится в

ближайшие несколько столетий. Когда же в результате этой выплавки родится новый цельный тип человека, у Америки появятся и собственный язык (отличный от английского — подобно тому как различаются испанский с итальянским), своя литература и свое искусство; впрочем, эта тенденция прослеживается уже сейчас.

Несомненно, расовые антипатии в некоторой степени происходят от самых истоков этносов, однако намного чаще это лишь результат культурных различий — в языке, манере одеваться, поведении, этике, религии и так далее. Никакого иного противоядия от них нет и никогда не будет — помимо образования. История учит нас, что цивилизация — предприятие кооперативное, осуществленное сообща, свой вклад в которое внесли все люди. Вместе с правом наследования цивилизации мы одновременно накладываем на себя и обязательство бережно ее сохранять. Душа цивилизованного человека всегда выкажет себя в отношении к другому, пусть сколь угодно нижестоящему, как к представителю группы, внесшей посильный вклад в общее дело.

Глава 5. О личностях и истории

Основа общества — не идеальные представления человека, а его характер и природа; устройство и конституция человека задают строй и конституцию его государства. Но что понимать под конституцией человека?

Человеческую природу можно определить через фундаментальные стремления и совокупность его переживаний. Наиболее глубокие стремления человека будем называть инстинктами, оговариваясь при этом, что существуют разные мнения по поводу их действительной *врожденности*. Природу личности можно описать при помощи приведенной далее таблицы, раскрывающей шесть позитивных и шесть негативных инстинктов (в данном случае имеются в виду унаследованные черты) обычного человека. Назначение любого инстинкта — способствовать защите и выживанию индивида, группы или вида, к которым он принадлежит. В дружелюбных людях доминируют позитивные стремления, однако большинство индивидов «снабжены» и негативными инстинктами. Они нужны для того, чтобы в каждой жизненной ситуации индивид мог противостоять опасности или же избежать ее (в зависимости от настроения и условий), использовать подходящую возможность и так далее. Каждый инстинкт генерирует определенные привычки и модели поведения и сопровождается соответствующими переживаниями. Все перечисленное, взятое совокупно, и составляет природу человека.

Таблица черт характера

Инстинкт		Поведение	Переживание
Позитив	Действие	Игра	Оживленность
		Работа	Энергичность
		Любознательность	Рвение
		Ловкость	Удивление
		Гибкость ума	Легкость освоения
		Оригинальность	Решимость
		Творчество	Чувство прекрасного
Негатив	Сон	Отдых	Утомление
		Праздность	Инерция
		Безразличие	Скука
		Нерешительность	Сомнение
		Мечтательность	Безделье

Инстинкт		Поведение	Переживание
Позитив	Подвиг	Подражание	Соглашательство
		Беспорядочность	Смущение
		Поиск решения	Смелость
		Соревнование	Конкуренция
		Драчливость	Раздражение
Негатив	Побег	Владычество	Гордость
		Отступление	Тревога
		Сотрудничество	Дружелюбие
		Робость	Страх
Позитив	Добывание	Подчинение	Скромность
		Пища	Голод
		Накопление	Алчность
		Овладение	Чувство собственности
Негатив	Уклонение	Неприятие	Брезгливость
		Мотовство	Небережливость
		Бедность	Незащищенность
Позитив	Объединение	Общение	Общительность
		Поиск одобрения	Тщеславие
		Благородство	Радужие
Негатив	Единоличие	Одиночество	Скрытность
		Страх порицания	Стыдливость
		Себялюбие	Враждебность
Позитив	Расположенность	Сексуальная активность	Сексуальное воображение
		Ухаживание	Сексуальная любовь
Негатив	Отказ	Перверсия	Сексуальный невроз
		Застенчивость	Сдержанность
Позитив	Опека	Ведение хозяйства	Любовь к родителям
Негатив	Зависимость	Бунт против родителей	Обида на родителей

Но как сильно менялся человеческий характер по ходу истории? Теоретически, конечно же, некоторые изменения неизбежны; можно, пожалуй, с некоторой долей уверенности утверждать, что естественный отбор потрудился как над физиологией, так и над психологией человека. Тем не менее вся история демонстрирует, сколь незначительны подобные изменения. Греки времен Платона вели себя подобно сегодняшним французам; поведение римлян походило на манеры англичан — подобных примеров можно найти множество. Изменению подлежат орудия и средства, причины же и мотивы остаются неизменными. Действовать или переждать, взять или отдать, сражаться или же отступить, искать союзников или стремиться к уединению, принять предложение или наотрез отказать, чтить родительскую опеку или же негодовать из-за ее чрезмерности... Несильно различаются в своих базовых чертах характеры представителей разных классов: в общем и целом бедные люди движимы теми же мотивами, что и богатые, с поправкой на меньшие возможности или навыки к их воплощению. Мятежник, одержавший победу, практически всегда возвращается к методам, присущим тому, кого он ранее осуждал и кого сверг, — история ни о чем ином так ясно не свидетельствует.

Эволюция человека (в рамках письменных культур) была скорее социальной, нежели биологической: ее двигала не изменчивость видов с наследованием одних черт и утратой других, она шла скорее путем экономического, политического, интеллектуального и этического развития, передаваемого от индивида к индивиду и от поколения к поколению при помощи подражания, традиций и образования.

Устои и традиции группы соответствуют наследуемому опыту вида и инстинктам каждого принадлежащего к нему индивида; это готовый механизм адаптации к типичным и повторяющимся ситуациям и реагирования на них. Появление новых ситуаций требует новых нетипичных механизмов. Отсюда следует, что характерной особенностью высших организмов является способность к эксперименту и инновациям, то есть социальному корреляту изменчивости и мутации. Таким образом, социальная эволюция представляет собой взаимодействие старых и постоянно возникающих устоев.

Индивид, способный на проявление инициативы, — «великий человек», «герой», «гений» — восстанавливается в своих правах «движущей силы истории». Однако он не совсем богоподобный герой Карлейля^[42]; это дитя своего времени и своей земли, продукт и символ современных ему событий, а также их действующее лицо и глашатай. Ведь не будь нетипичной ситуации, требующей иного подхода, все новые идеи героя пришлись бы не ко времени и навсегда остались бы нереализованными. Герой — это воплощенное действие: всё в его времени, в его ситуации вызывает к нему, наполняя деятельной энергией, которая в иные времена и в иной ситуации осталась бы на уровне идей и потенциалов. Но герой — не производное внешних обстоятельств, а участник и свидетель событий; его идеи и решения наполняют жизнью сам ход истории. Герою, как в случае с Черчиллем, подчас достаточно лишь красноречия, с лихвой заменяющего сотню полков; он может быть тактически и стратегически прозорлив, как Наполеон, шутя выигрывая сражения, кампании и перекраивая государства; возможно, что он пророк вроде Мухаммеда, способный мудрым и проникновенным

словом ободрить бедняка или исцелить больного. Все Пастеры, Морзе, Эдисоны, Форды, братья Райт, Марксы, Ленины и Мао Цзэдуны были как следствием бесчисленных причин, так и причиной великого множества следствий, порождаемых их деяниями.

В нашей таблице *оригинальности* противопоставлено *подражание*, однако в сущностном, жизненно важном смысле они выступают заодно, так же как в целях достижения порядка люди, склонные к *подчинению*, объединяются с теми, кто склонен к *владычеству*. Таким образом, чтобы адаптироваться к новым условиям в целях выживания, подражающее большинство следует за оригинальным меньшинством, которое, в свою очередь, идет за созидающим героем-первопроходцем. В целом история — это конфликт меньшинств; большинство всегда награждает орденами победившую сторону, поставляя человеческий материал для социальных экспериментов.

Отсюда вытекает, что интеллект служит необходимой силой для продолжения исторического движения. Эта сила, однако, принимает порой весьма обманчивые формы, грозя обернуться разрушительными последствиями. Из каждой сотни идей девяносто девять, если не больше, скорее всего, окажутся хуже тех, на замену которых они претендуют. Ни один сколь угодно светлый ум не в состоянии самостоятельно достичь такой полноты и объективности картины мира, чтобы с уверенностью судить и отметить устои и традиции, ведь это вековая мудрость поколений, выплавленная в горниле истории. Юнец от буйства гормонов негодует — с какой стати он не должен давать волю своим сексуальным желаниям? И если устои его группы, этические принципы и законы вовремя не удержат отрока, то он рискует искалечить свою жизнь еще до того, как хоть немного повзрослеет, чтобы понять, что секс — это пылающий поток, который

необходимо заключать в суровые ледяные берега, поскольку в противном случае он обратит в хаос жизнь и частную, и общественную.

Отсюда следует, что консерватор, противящийся изменениям, вносит не менее ценный вклад в общее развитие, чем радикально настроенный бунтарь, эти изменения предлагающий; быть может, даже более ценный — подобно тому как корни питают дерево более, чем ветви. Несомненно, к новым идеям следует прислушиваться — ради тех крупниц золота, что таятся в этом песке; но столь же необходимо, чтобы они затем попали в плаvilьную печь возражений, споров и порицаний. Лишь таким образом, на деле доказав свою жизнеспособность, идея получает право на действительно всечеловеческий размах. Крайне полезно, когда старики противятся порывам юношей, а те, в свою очередь, сетуют на неповоротливость старцев: в результате их обоюдного напряжения, как и в случае с противостоянием полов или борьбой классов, рождается мощная созидаящая энергия, обуславливающая движение и развитие.

Глава 6. О нравственности и истории

Нравственность — это свод правил, посредством которых общество призывает (подобно тому как посредством законов принуждает) своих членов вести себя в соответствии с принятыми порядками, не создавая угроз безопасности и развитию этого общества. К примеру, благодаря строгому морально-нравственному кодексу еврейские общины христианской Европы на протяжении шестнадцати столетий поддерживали внутренний мир и порядок, практически не прибегая к помощи официальных властей.

Обладая поверхностными познаниями в истории, кто-то может сделать вывод, что своды моральных и нравственных законов не так уж важны, поскольку они весьма различаются в зависимости от времени и места их применения, а часто и вовсе противоречат друг другу. Но если копнуть глубже, становятся очевидными универсальная значимость и необходимость для человека подобных этических кодексов.

Различия нравственных правил обусловлены тем, что они всегда приспосабливались к тем или иным историческим условиям и среде. Если рассматривать экономическую историю человечества в виде трех обширных стадий — охоты, земледелия и промышленности, — то, вероятно, следует также ожидать и смены нравственных законов при переходе от одной стадии к другой. Скажем, когда основной деятельностью людей была охота, каждому следовало быть всегда готовым к погоне, борьбе и убийству. Загнав добычу, охотник практически сразу же

употреблял ее в пищу, наедаясь до отвала, поскольку никогда не знал, когда вновь удастся поесть; алчность — всегда порождение неопределенности. По-видимому, уровень смертности среди мужчин, столь часто подвергавших свои жизни опасности на охоте, был существенно выше, чем среди женщин. Поэтому некоторые мужчины брали себе более одной женщины, и каждая из них ожидала скорейшей помощи в зачатии. Воинственность, мужественность, жадность, сексуальная готовность — вот важнейшие человеческие качества той эпохи борьбы за существование. Вполне возможно, что нынешние наши пороки были некогда и добродетелями, внесшими весомый вклад в выживание наших предков, их семей и племен. Как знать, вдруг вообще грехи человеческие — скорее следы былой мощи, нежели символы его падений?

История не сохранила точной датировки перехода от охоты к земледелию; по всей видимости, это произошло в эпоху неолита, когда человек обнаружил, что зерно можно сеять и таким образом преумножать урожай дикой пшеницы. Резонно предположить, что столь радикальная перемена требовала наряду с появлением новых добродетелей смены отношения и к некоторым старым. Так, трудолюбие резко возросло в цене, в то время как смелость резко упала; бережливая исполнительность оказалась намного продуктивнее, чем жестокое насилие, и в целом мир одержал победу над войной. Дети стали рассматриваться как экономические активы, поэтому возникла необходимость поддерживать рождаемость. Семья превратилась в единицу производства, управляемую лишь волею отца семейства и временами года. Сыновья быстро мужали и вскоре могли сами себя прокормить; к пятнадцати годам они уже знали все, что могли бы знать и в сорок. Все, что требовалось для жизни, — кусок земли, плуг и руки, готовые вспахивать надел.

Поэтому весьма ранние, практически «по зову природы», браки стали нормой, и молодым людям не приходилось слишком долго претерпевать муки добрачных запретов и ограничений. Что касается юных дев, то во главу угла теперь было поставлено целомудрие, так как его отсутствие грозило незапланированным материнством. Моногамия возникла вследствие приблизительного равенства между представителями обоих полов. Моральный кодекс аграрного общества, оберегавший целомудрие, ранние браки, моногамию и запрет на развод, а также многократное материнство, поддерживался в христианской Европе и ее «белых» колониях на протяжении пятнадцати столетий. То был строгий свод правил, и именно в условиях его господства родились самые влиятельные личности в истории.

Сперва постепенно, потом все более нарастающими темпами промышленная революция видоизменяла экономику, а с ней и принятые нормы морали и нравственности в Европе и Америке. Мужчины, женщины, даже дети — любой теперь мог, покинув дом, семью и родные места, начать самостоятельно работать на заводе или фабрике. С каждым десятилетием фабричные станки совершенствовались и становились все сложнее; до стадии экономической зрелости (то есть когда экономика поддерживает семью) было еще далеко; дети более не считались важнейшим экономическим активом, поэтому возраст вступления в брак резко поднялся, а сохранять целомудрие до этого момента стало намного труднее. Огни большого города изо всех сил старались отбить у молодых людей охоту сочетаться браком, предлагая для удовлетворения сексуальных желаний все, что только душе угодно. В это же время развернулось движение за эмансипацию женщин, то есть за равные с мужчинами права. В числе прочего оно также подстегнуло развитие методов

контрацепции, позволивших женщинам отделять половой акт от зачатия. Ввиду все возрастающего индивидуализма родительская власть потеряла былую экономическую опору. Мятежную юность уже более невозможно было удержать в деревнях под бдительным родительским оком, и молодые люди ринулись в города — навстречу скрывающей все грехи анонимной растворенности в толпе. Научный прогресс существенно возвысил лабораторную пробирку над пастырским посохом; механизация всех отраслей экономики задала общий курс на более механистическую, материалистическую философию; доступное образование развенчивало один религиозный миф за другим. В результате нравственность практически лишилась «поддержки свыше». Так угасал старый уклад.

Как и во времена Сократа или Октавиана Августа, так и в наше время война всегда способствовала упадку нравов. После кровопролитий Пелопоннесской войны Алкивиад чувствовал себя вполне спокойно, насмехаясь над нравами предков^[43], а Фрасимах провозглашал, что сила — единственная мера справедливости^[44]. После всех войн Гая Мария и Суллы, Цезаря и Помпея, Антония и Октавиана «Рим был наполнен людьми, потерявшими всякую твердую почву под ногами, не говоря уже о нравственном их упадке: повсюду были солдаты, вкусившие военные приключения и научившиеся убивать в бою; горожане, привыкшие к военной инфляции и изъятию имущества для пополнения казны; женщины, потерявшие голову от свободы; повсеместные разводы, аборт и прелюбодеяние <...> Римом правила пошлая утонченность, любующаяся своим пессимизмом и цинизмом»^[45]. Довольно точное описание европейского и американского общества после двух мировых войн.

История пытается подсластить пилюлю, указывая нам, что грех процветал во все эпохи. Да и в наше свободное время мы еще даже не приблизились к размаху гомосексуализма в Древней Греции, Древнем Риме или Италии эпохи Ренессанса. «Гуманисты отзывались об этом с некоторой ученой симпатией и интересом, что дало Ариосто^[46] повод утверждать, что и они также были подвержены тому же соблазну; Аретино^[47] просил герцога Мантуи прислать ему красивого собой юношу^[48]. Поток проституции не иссыхает от времен ассирийских борделей^[49] до «ночных клубов» в Европе и Америке наших дней. В Виттенбергском университете в 1544 г., согласно Лютеру, «отроковицы совершенно потеряли стыд: они преследуют юношей вплоть до их келий, предлагая им свою свободную любовь»^[50]. Монтень указывает, что в его время читатели принимали низменную литературу с большой симпатией^[51]. Нынешнее падение нравственности отличается от упадка времен Реставрации Стюартов в Англии именно по существу, а не по размаху, ведь роман Джона Клееланда «Фанни Хилл. Мемуары женщины для утех» — сплошная вереница постельных сцен — в 1965 г. едва ли пользовался меньшим спросом, чем в 1749-м^[52]. Во все времена людей влекли азартные игры: к примеру, при раскопках древней Ниневии были найдены игральные кости^[53]. Во все века мужья и жены не хранили верность друг другу, а государства оказывались коррумпированы, быть может, гораздо более, чем в наши дни. Если вспомнить, как сокрушались авторы памфлетов в XVI в. по поводу заплонивших рынок некачественных продуктов питания и других товаров^[54], то станет окончательно ясно, что времени, когда человек жил бы в полном согласии с десятью заповедями, попросту не было. Известны взгляды

Вольтера на историю как на «картину преступлений и несчастий»^[55] и созвучное ему мнение Гиббона^[56].

Стоит также держать в уме, что история — это зачастую *записанная* история (рессавимус^[57]), которая несколько разнится с историей *прожитой*; ведь историки фиксируют только необычайные события, интересные лишь тем, что они необычайны! Если бы каждому когда-либо жившему повстречался свой Босуэлл^[58], уделивший ему причитающееся количество страниц, то у нас была бы куда более занудная и скучная, но вместе с тем намного более правдивая история прошлого. Ведь за окровавленным фасадом войн, политической лжи, несчастий, бедности, прелюбодеяний, разводов, брато- и самоубийств скрывается дом, в котором живут миллионы самых обычных семей, мужей и жен, в горестях и радостях помогающих детям встать на ноги. И даже в документированной истории мы находим величайшее множество проявлений добра и благородства, а потому с легким сердцем можем простить (но отнюдь не забыть) совершенные грехи. Любовь и помощь ближнему практически сглаживают жестокость кровавых сражений и ужасы острогов. Примеры тому можно припоминать до бесконечности: Фаринелли, помогавший детям Доменико Скарлатти^[59], множество людей, поддерживавших молодого Гайдна, граф Агостино Литта, благодаря покровительству которого Иоганн Кристиан Бах^[60] мог бесплатно учиться в Болонье, профессор Джозеф Блэк, постоянно одалживавший деньги Джеймсу Уатту^[61], а Михаэль Пухберг — Моцарту. Когда же кто-нибудь осмелится написать историю добрых дел?

Таким образом, мы не можем с уверенностью судить о том, что нынешние нравы — предвестник скорого упадка нашего рода; скорее бы даже стоило

утверждать, что мы находимся на болезненном и прекрасном распутье, когда старые устои уже окончательно отринуты, а новые еще не успели полностью сформироваться. Меж тем, как уверяет история, цивилизации погибают медленно. Ослабление Греции растянулось на 250 лет с софистами и эллинистической культурой, подарившей нам множество шедевров искусства. Падение Рима началось вскоре после того, как Греция окончательно лишилась независимости и вошла в состав Италии (146 г. до н. э.), однако великие политические деятели, философы, поэты и художники не перевелись в Риме вплоть до кончины Марка Аврелия (180 г. н. э.). Политически Рим достиг апогея при Цезаре, простоял под постоянными варварскими набегами вплоть до 476 г.^[62] Всем бы такой упадок!

Вполне вероятно, что порядок вернется в нашу цивилизацию благодаря военной дисциплине; ведь очевидно, что границы частной свободы перемещаются в зависимости от общей безопасности. Скорее всего, под напором более важных вопросов геополитической безопасности индивидуализм в Европе и Америке пойдет на убыль. Сексуальная свобода, надо полагать, исцелится собственным переизбытком. Как знать, быть может, уже нашим детям посчастливится стать свидетелями того, что порядок и скромность вновь войдут в моду, а люди вспомнят, что одеваться — не менее интересное занятие, чем раздеваться. Вместе с тем очевидны и плюсы нынешней свободы: можно без зазрения совести дышать полной грудью, пока это не мешает ни тебе, ни окружающим. А без теологического террора делать это намного легче и привольнее.

Глава 7. О религии и истории

Даже самый скептический историк смиренно воздает дань уважения религии, так как наблюдает ее плоды во всех землях и эпохах. Миллионам несчастных, страждущих, претерпевших лишения душ религия принесла успокоение и тихую радость, какую бы не смогло дать им ничто другое. Религия помогала родителям и учителям держать молодых людей в узде. Она наделяла смыслом и приносила достоинство в жизнь любого, даже самого ничтожного человека и поддерживала стабильностью, с помощью своих таинств осенила нормы человеческого общежития сокровенным общением с Богом. Наполеон как-то сказал, что именно религия удерживает бедных от убийства богатых. Поскольку биологически заданное неравенство обрекает многих из нас на бедствия и несчастья, надежда, даруемая свыше, является, быть может, единственной альтернативой отчаянию. Уничтожьте эту надежду, и классовая война вспыхнет с новой силой. Мечты о рае и утопии подобны двум связанным ведрам, черпающим воду из одного колодца: когда одно опускается, второе неминуемо поднимается вверх. Так, когда наступает упадок религии, голову поднимает коммунизм.

С точки зрения здравого смысла прямой связи между религией и моралью, пожалуй, сразу не обнаружить. Можно даже сказать (наугад или же вторя Петронию^[63], повторяющему, в свою очередь, слова Лукреция^[64]), что «боги созданы страхом»^[65] — перед природными явлениями, наполняющими таинственной силой землю, реки, океаны, деревья и небеса. Посредством религиозных обрядов, песнопений, молитв и жертв люди пытались умиловить эти силы и

снискать их расположение. Лишь когда священники стали указывать людям, как лучше или правильнее поступить, религия в полной мере развернулась как сопоставимая с государственной властью сила. Засвидетельствовав дарование принятых норм морали и закона богами, религия освятила и укрепила их исполнение. К примеру, бог Тот вручил свод законов первому фараону Менесу в Древнем Египте, от солнечного бога Шамаша законы получил вавилонский правитель Хаммурапи, Яхве через Моисея даровал еврейскому народу Декалог^[66] и еще 613 заповедей, а нимфа Эгерия научила Нуму Помпилия, как составить законы для Рима. Как языческое, так позже и христианское вероучение освящало земных правителей как помазанников и наместников богов или Бога, в благодарность за что сильные мира сего испокон веков преподносили жрецам (волхвам, шаманам) и священникам богатые дары и земельные наделы.

Некоторые радикально настроенные историки даже утверждали, что религия в действительности вовсе никогда не учила морали, поскольку падение нравов даже усилилось в эпоху, когда религия доминировала во всех сферах. Без сомнения, похоть, грубость, алчность, бесчестие, грабительство и жестокость существовали в Средние века. Однако стоит, пожалуй, все же признать, что пятисотлетнее нашествие варваров, бесчисленные междоусобицы, экономико-политические конфликты нанесли бы куда больший урон моральному облику европейцев, если бы не христианская этика, проповедующая скромность и смирение. На это были нацелены проповеди, многочисленные примеры из жизни святых и службы, пропитанные духом единения и умиротворения. Католическая церковь прилагала усилия к уменьшению размаха работорговли, внесла вклад в прекращение

клановых и междоусобных распрей, ратовала за отмену беспорядочных казней и пыток и выступала за судебное производство, основанное на строгом следовании законам, и в целом старалась поддерживать мир и спокойствие. Церковь существенно смягчила установленную римлянами и варварами систему наказаний, а также развернула обширную благотворительную деятельность.

Хотя церковь формально и обслуживала нужды государств, она утверждала себя превыше любого из них, подобно тому как нравственность превосходит всякую силу. Это учило людей тому, что патриотизм без высшего устремления может обернуться орудием алчности и преступления. Таким образом, над всеми христианскими государствами властвовал единый моральный закон; основанная самим Создателем и являвшаяся духовным пастырем европейских держав церковь выдвинула себя на роль единого судии, перед которым могли бы держать ответ все их властители. К такому положению церковь вплотную приблизилась, когда в результате знаменитого хождения в Каноссу^[67] император Генрих IV признал власть папы Григория VII. Окончательного упрочения своей власти церковь добилась век спустя усилиями папы Иннокентия III.

Величественная мечта разбилась о национализм, скептицизм и слабость человеческой натуры, что выразилось во все возрастающих пристрастности, корысти и вымогательстве священнослужителей. К примеру, разбогатевшая и политически стабильная Франция использовала папство в качестве своего политического инструмента. Под давлением французского и других европейских монархов папа был вынужден упразднить иезуитский орден, повсеместно оказывавший ему огромную поддержку. Чтобы восстановить былое величие, церковь стала все чаще

прибегать к подлогу и прямому обману, как в случае с Константиновым даром^[68] папе Сильвестру и со всеми последующими декреталями и прочими подложными документами, призванными укрепить папскую власть в Европе^[69]. Все больше и больше усилий тратилось на внедрение практики слепого подчинения уставам и догмам, нежели на исполнение заповедей; апогеем же церковного упадка стала святая инквизиция. Проповедуя мир, церковь разжигала войны и распри, как, например, во Франции в XVI столетии или веком позже, во время Тридцатилетней войны в Германии. В главном же нравственном прорыве Нового времени — отмене рабства — церковь сыграла весьма скромную роль. Благодаря столь слабой позиции церкви умы и сердца людей все больше захватывали философы-гуманисты, которым удалось в определенной степени совладать с пороками эпохи.

История подтверждает убежденность церковных иерархов в том, что люди нуждаются в религии, щедрой на чудеса, тайны и мифы. За все время допускались некоторые изменения ритуальных практик, церковного облачения, епископальной иерархии, однако же в целом церковь не покушалась на свои доктринальные устои (вызывающие лишь усмешку критического разума), ведь это глубоко оскорбило бы и разочаровало миллионы людей, ищущих в вере вдохновение и утешение. Ни о каком примирении между религией и философией и речи быть не может, разве что философы признают провал собственных попыток отыскать внерелигиозные основы морали и нравственности, а церковь провозгласит религиозную и интеллектуальную свободу.

Поддерживает ли история веру в Бога? Если под таким мы разумеем не создающую силу жизни, явленную в природе, но нечто высшее, всеведущее и

всеблагое, то ответ должен быть строго отрицательным. Как мы уже говорили, история, подобно биологическим дисциплинам, основывается на понимании естественного отбора наиболее приспособленных индивидов и групп, в процессе которого добродетель не приносит никаких выгод, несчастья и горести встречаются в изобилии, а единственное средство проверки на прочность — способность к выживанию. Прибавьте к преступлениям, войнам и прочим проявлениям человеческой жестокости землетрясения, цунами, торнадо, эпидемии, наводнения и прочие «деяния Господни», которыми периодически опустошается род людской и звериный, и вы в итоге признаете, что если это нечто и существует, то оно либо вовсе слепо, либо фатально не заинтересовано в происходящем здесь, проявляясь лишь случайно и действуя наугад, чему мы, каждый на свой лад, приписываем некий порядок, величие, красоту или возвышенность. Начиная придерживаться некоторой теологической установки, история неизбежно впадает в дуализм наподобие зороастризма или манихейства, когда доброе и злое божество или дух сражаются друг с другом за вселенское владычество и людские души. Как эти религии, так и христианство (которое, в сущности, весьма близко к манихейству) проповедуют о том, что в конце времен доброе божество одержит верх. Однако история отказывается выдавать хоть какие-то гарантии такому исходу. Природа и история в корне не согласны с нашим пониманием добра и зла: согласно их определению, добро — это то, что умеет выживать, а зло — то, что этого делать не умеет, и то, чему вселенная никоим образом не отдает предпочтения. К примеру, Иисусу Христу она никогда не предпочтет Чингисхана.

Растущее понимание громадного разрыва между размерами космоса и человеческого мира подлило

масла в огонь, в котором уже начинали пылать старые верования. Если говорить о христианской Европе, то, конечно, за начальную точку упадка стоит брать открытия Николая Коперника. Научные знания довольно медленно проникали в массы, но все же, по прошествии менее ста лет после Коперника, Джон Донн уже сокрушался, что наша планета стала лишь «пригородом», а «все новые философы — в сомнение»^[70]. Фрэнсис Бэкон, несмотря на учтивую привычку обнажать голову перед епископами, провозглашал науку религией нового свободного человека. Вскоре же начался процесс «смерти Бога» как некоей внешней, надмирной божественной сущности.

Для столь грандиозного потрясения, несомненно, требовались и другие предпосылки помимо распространения естественно-научного и исторического знания. Таковых можно назвать несколько. Во-первых, это, конечно, Реформация, кроме всего прочего отстаивавшая и право на личное мнение, в результате чего образовалось множество протестантских сект и общин со своими теологическими концепциями, опирающимися как на Священное Писание, так и на логические выводы. Во-вторых, развернувшаяся в тот же период текстологическая и историческая критика Библии, показавшая, что текст ее неоднороден и многократно перерабатывался со все новыми ошибками, пропусками и разночтениями. В-третьих, деизм^[71] в Англии, снизивший пафос веры в Бога едва ли не до уровня почитания природы. Также не прошло бесследно и знакомство Европы с другими религиями, включая дохристианские культы со своими мифами и преданиями, обладавшими донельзя схожими чертами с христианскими. Сильными ударами по церковному престижу стали протестантские разоблачения католических чудес и деистические разоблачения

библейских, а также вскрытие многочисленных случаев лжи, обмана, подлога, проявлений жестокости и прочих неблагочестивых деяний в истории религии. Огромный урон религиозному сознанию нанесла промышленность: люди более не были жестко связаны с землей, заставлявшей их ежегодно вспоминать о чуде перерождения и воскресения, а на смену богослужебным литиям пришли станки. Параллельно с этим сильный подъем испытывали скептическая (Бейль) и пантеистическая (Спиноза) философия, а также идеи французского Просвещения, с которыми напрямую связаны парижские антицерковные выступления во время революции. Стоит упомянуть и о массовых жертвах среди мирного населения в течение последующих войн. И наконец, оглушительный триумф научных достижений, обещавший человеку всевластие, всемогущество и шанс оспорить божественный суверенитет даже над небесами.

В некотором смысле христианство само поставило себе подножку, продолжая настаивать на образе мстительного и всевоздающего Бога, что принималось верующими со все меньшей охотой. С развитием образования и науки в сознании людей, а вместе с ним и в церковных проповедях все меньше внимания уделялось идее ада. Прихожане пресвитерианских церквей выражали все большее недовольство Вестминстерским исповеданием веры^[72], в котором говорилось, что Господь создал миллиарды мужчин и женщин заранее «осужденными» на рай или ад, вне зависимости от их будущих добродетелей и преступлений. Образованных христиан шокировало изображение Страшного суда в Сикстинской капелле, где грешников одного за другим поглощало вечное адское пламя; неужели это тот «кроткий, словно агнец» Христос обрек их на муки? — недоумевали они. Греки с

развитием нравственного сознания все чаще отвергали вздорных и развратных олимпийских богов («часть людей, — говорит Платон, — вовсе не признает богов»^[73]). Точно так же развитие христианской этики мало-помалу способствовало закату христианской теологии и окончательной победе Христа над Яхве.

Замещение религиозных институций светскими стало одним из важнейших, а также наиболее проблемных этапов промышленной революции. И поныне люди не до конца разобрались, каким же образом должно функционировать государство, лишившись своих теологических оснований. Ведь законы, некогда даруемые всеведущими богами, теперь писались самыми обычными людьми, склонными порой ошибаться; образование, бывшее в прошлом вотчиной вдохновенных проповедников, изрекавших догматы с кафедры, теперь полагалось сугубо на доводы разума и педагогические методы в деле обучения юных бунтарей, усмирить которых подчас мог лишь служитель правопорядка, из-за чего процесс обучения часто заходил в тупик. Колледжи и университеты, ранее спаянные с церковью, теперь перешли под покровительство бизнеса и науки. Место основных источников веры и морали заняли патриотизм, капитализм и коммунизм, а праздничные дни христианского календаря постепенно были заменены праздничными днями календаря рабочего. Театры теперь могли похвастаться полными залами даже в дни церковных праздников; церкви же всё пустели, не заполняясь и наполовину даже на воскресных службах. В наши дни в англосаксонских семьях религия принимается с точки зрения социальной обрядности и культурной традиции; среди американских семей процент католиков весьма высок; представители высшего и среднего классов Италии и Франции

воспринимают религию как «вторичные половые признаки». И еще тысячи других моментов указывают на тот же религиозный спад, что и в Греции времен софистов и греческого Просвещения.

Католицизм продолжает существовать благодаря апелляции к воображению, надеждам и чувствам, тому, что его мифология помогает утешить в горести и расцветить жизнь страждущих и бедствующих, а утерянные в Реформацию слаженными усилиями паствы владения постепенно возвращаются в ведение Ватикана. Католической церкви пришлось пожертвовать влиянием на интеллектуальное сообщество и смириться с нападками и уколами со стороны секулярной системы образования и литературы. Однако следует отметить, что оно выиграло в другом: в католичество обратилось множество тяготящихся сомнениями и страждущих людей в надежде обрести твердую почву и противостоять нарастающей коммунистической волне.

Если на территории Западной Европы разразится еще одна опустошительная война, результатом которой станут разрушения, повальная бедность и общий упадок культуры и науки, то церковь, как было, например, в 476 г.^[74], вновь останется единственной надеждой и пристанищем для выживших, ищущих утешения и наставления.

История учит нас тому, что у религии есть множество жизней, а также склонность к воскресению. Читайте сами: уж сколько раз в прошлом Бог и религия успели умереть и вновь восстать из мертвых? Чтобы искоренить религию Амона, Эхнатон употребил всю власть и мощь египетского фараона, однако уже спустя год после его смерти она была полностью восстановлена^[75]. Атеизм обрел огромную популярность в Индии при жизни молодого Будды,

который и сам основал религию, где отсутствовало божество. Несмотря на это спустя какое-то время после его смерти в буддизме была разработана сложная теологическая система с догматами и богами^[76]. Философия, наука и образование попрали богов Олимпа, на смену которым тут же явилось множество восточных культов с мифами о воскресающих божествах. В 1793 г., по-своему интерпретировав Вольтера, Эбер и Шометт установили в Париже атеистический культ Разума^[77]; годом позже, опасаясь общественных беспорядков, вдохновленный идеями Руссо Робеспьер заменяет его культом Верховного Существа. Наконец в 1801 г. Наполеон — по-видимому, из всех правителей Франции наиболее сведущий в истории — подписал с папой Пием VII конкордат о восстановлении в правах католической церкви во Франции. Атеистические настроения в Англии XVIII столетия были по большей части прекращены «викторианским компромиссом» с англиканской церковью: образованное сословие понимало, что одно дело — их скептические умонастроения, а совсем другое — подчинение епископов министрам, а приходских священников — местным сквайрам. В Америке рационализм отцов-основателей, по сути, дал толчок религиозному возрождению в XIX столетии.

Пуританство и язычество — подавление и выплеск одних и тех же чувств и стремлений — по ходу истории постоянно взаимозаменяют друг друга. Зачастую религия и пуританские взгляды превалируют в периоды неустойчивости законодательной системы, когда общественный порядок и спокойствие целиком впадают в зависимость от нравственного уровня людей. Скептицизм и язычество (также две стороны одной медали) развиваются, когда возрастающая власть государственных и законодательных институтов

определяет упадок институтов церкви, семьи и прочих источников нравственности, не угрожая при этом безопасности самого государства и общества. В наше время государства пытаются комбинировать описанные выше методы взаимодействия с верой и воздействием на нравственность, не нарушая естественных языческих порывов. Вполне вероятно, что нынешние наши нравственные бесчинства отзовутся новым религиозным возрождением, и атеисты, как было после поражения во Франко-прусской войне (1870-1871), с готовностью отошлют своих детей в католические интернаты, где их обучили бы дисциплине и привили бы религиозную нравственность. Прислушаемся же к воззванию агностика Ренана (1866)^[78].

Будем наслаждаться свободой сынов Божиих. Но остережемся быть участниками падения добродетели, которое угрожало бы нашему обществу, если бы христианство начало дряхлеть. Чем мы были бы без него? <...>

Если же рационализм захочет управлять миром, не считаясь с религиозными потребностями души, есть на то опыт Французской революции, чтобы понять последствия подобной ошибки^[79].

Подтверждает ли история вывод Ренана о том, что религия необходима для нравственного здоровья человека, что его природная этика столь слаба в сравнении с хищными инстинктами, рысущими в сумерках цивилизации и являющимися лишь в наших снах, преступлениях и войнах? Вот что говорит на этот счет Жозеф де Местр^[80]: «Я не знаю, что на душе у негодяя; но душа порядочного человека — омерзительна»^[81]. История не дает нам сколь-нибудь весомых примеров успешной государственной

деятельности на поприще нравственности без опоры на религию. В наше время целый ряд стран, например Франция и Соединенные Штаты, объявив о том, что церковь отделена от государства, все же прибегали к помощи религиозных институций в целях поддержания порядка. Путем же полного отречения от какой бы то ни было религиозности пошли лишь некоторые страны коммунистического блока; пожалуй, временный успех подобного эксперимента можно списать на принятие людьми коммунизма в качестве религии (или, как сказали бы скептики, опиума), заместившей собой церковь как главного поставщика спокойствия и надежды. Если социалистическому режиму не удастся побороть бедность населения страны, то и новая религия в скором времени растеряет весь свой запал и блеск, окунув страну в новую волну религиозных верований в целях успокоения страждущих. «Покуда на земле царит бедность, на небе будут править боги»^[82].

Глава 8. Об экономике и истории

История, по Карлу Марксу, — это экономика в действии, то есть всеобщее состязание индивидов, групп, классов и государств за пропитание, топливо и прочие жизненно важные ресурсы. Любые формы государственности, религиозные институты, культурные явления и так далее — все так или иначе уходят корнями в экономические процессы. Промышленная революция повлекла за собой демократию, феминизм, контроль рождаемости, социализм, постепенную секуляризацию, ослабление морали и нравственности, обретение литературой независимости от аристократов-меценатов с сопутствующим замещением романтизма реализмом, а также экономическую трактовку исторического процесса. Герои оказывались следствием событий, а не их причиной: к примеру, об Агамемноне, Ахилле и Гекторе никто никогда бы не услышал, если бы греки не вознамерились взять под контроль важные торговые пути через Дарданеллы; именно экономика, а вовсе не Елена — «прекрасней, чем вечерний воздух, пронизанный сияньем тысяч звезд»^[83] — отправила к Трое тысячи кораблей. Воистину эстеты греки умели искусным слогом прикрыть голую экономическую правду.

Без сомнения, экономические факторы оказали значительное влияние на ход истории. На средства Делосского союза^[84] был выстроен Парфенон; сокровищами Клеопатры удалось удержать на плаву тонущую Италию так, чтобы Вергилию хватило на гонорары, а Горацию — на виллу; Крестовые походы,

подобно греко-персидским войнам, также велись за господство над торговыми путями; банкирским домом семейства Медичи оплачивался Ренессанс во Флоренции; развитая нюрнбергская торговля и промышленность позволяли творить Альбрехту Дюреру; наконец, движущей силой Великой французской революции стали отнюдь не блестящие сатиры Вольтера или сентиментальные романы Руссо — одной из ее причин послужила возросшая мощь среднего класса, стремившегося законодательно закрепить условия ведения бизнеса и торговли, а также жаждавшего больших социальных прав и политической власти.

Маркс, впрочем, не имел в виду, что действия частных лиц всегда продиктованы экономическими интересами; он был совершенно далек от измышлений, что-де Абельяр любил, Будда проповедовал, а Джон Китс сочинял стихи из материальных соображений. Однако он все же, вероятно, недооценивал роль внеэкономических факторов в поведении народных масс: к примеру, религиозного пыла, как во времена войн испанцев с мусульманами^[85]; националистического порыва, как в рядах гитлеровских войск или японских камикадзе; неконтролируемого, стихийного народного возмущения, подобно июньскому мятежу лорда Гордона в Лондоне в 1780 г.^[86] или сентябрьским расправам над контрреволюционерами в Париже в 1792-м^[87]. Во всех подобных случаях мотивы лидеров (зачастую неявные или скрытые от общественного взора) вполне могут быть обусловлены экономическими интересами, однако конечный результат в значительной степени зависит от настроения простых людей. В огромном множестве случаев политическая или военная власть была прямой причиной, нежели следствием экономических операций,

как, к примеру, во время большевистского переворота в России в 1917 г. или военных переворотов, пронизывающих всю историю Южной Америки. Кто стал бы утверждать, что завоевание Испании маврами^[88] или покорение Азии и Индии монголами явилось следствием экономической мощи? Как раз наоборот: в этих случаях именно бедные торжествовали над богатыми, получая в результате военных побед усиление политической власти, а уже с ней — экономической мощи. Генералы, в сущности, могли бы дать военную интерпретацию истории рода человеческого.

Лишь после подобных допущений и оговорок мы наконец можем вынести бесчисленное множество уроков из экономической истории прошлого. Мы уже обсуждали, как нашествие варваров вскрыло проблемы Древнего Рима, связанные с тем, что земледельцев, некогда пополнявших легионы, — а это были мужественные и патриотично настроенные воины — сменили рабы, трудившиеся на обширных имениях апатично и без рвения. В наши дни отсутствие доступа к новейшим техническим достижениям вынуждает небольшие фермы переходить на рельсы массового производства либо под капиталистическим, либо под коммунистическим управлением. Кто-то однажды высказал суждение, что «цивилизация — это паразит, присосавшийся к мужику с сохой»^[89], однако нынче нет уж и мужика с сохой, ему на смену пришли безликие «руки», управляющие тракторами и комбайнами. Сельское хозяйство все больше превращается в конвейер, и вскоре фермеру предстоит решить, на кого работать, — станет ли он наемником капитала или же государства.

В то же время история явно свидетельствует о том, что «люди, умеющие управлять другими, управляют теми, кто умеет управляться лишь с оружием или

орудием труда, а те же, кто управляет деньгами, — управляет ими обоими»^[90]. Поэтому банкиры и следят за тенденциями в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, привлекая и направляя потоки капитала, вдвое и втрое вкладываясь в бизнес-процессы, управляя кредитными операциями и доходами предприятия, идя на риски ради новых выгод, стараясь взобраться еще выше по экономической пирамиде. Банкиры — от флорентийских Медичи до аугсбургских Фуггеров, от Ротшильдов в Париже и Лондоне до Морганов в Нью-Йорке — всегда находились в советниках правительств, финансируя войны, церковь и порой раздувая искру революции. Пожалуй, в том и есть главный секрет их могущества: тщательно изучив зыбкий рынок цен, они понимают, что история также подвержена инфляции и деньги — едва ли не последняя вещь, которую стал бы копить умный человек.

Опыт прошлого не оставляет никаких сомнений в том, что любой экономической системе рано или поздно предстоит выработать ту или иную форму стимуляции индивидуальной и общественной производственной эффективности. Искусственные ее замены — скажем, рабство, полицейский контроль или же идеологический подъем — показали себя малопродуктивными, чрезмерно затратными и быстротечными. Таким образом, наиболее действенным методом считается оценка способности к производству (не считая войны, где оценивается способность к разрушению).

Практические способности людей весьма различаются; большей частью таковых почти во всех обществах зачастую обладает меньшинство. Естественное следствие из этого — распределение благ. При прочих равных такое распределение опирается на экономические свободы, предписываемые моралью и законом. Деспотичный режим, к примеру,

может на какое-то время замедлить этот процесс; демократический строй, предлагая большие свободы, — ускорить. Так, относительное равенство среди американцев до 1776 г. с тех пор было попорчено тысячами самых разных физических, ментальных и экономических факторов, и потому нынешний разрыв между богатым и беднейшим слоями общества можно назвать даже большим, чем в Римской империи эпохи плутократии. В развивающихся экономиках распределение благ может в какой-то момент достичь критической точки, когда силы огромного количества бедных сравняются с силами малого количества богатых. История по-разному трактовала подобные эпизоды, то законодательным образом перераспределяя богатства, то революционным — бедность.

В Афинах в 594 г. до н. э., согласно Плутарху, «неравенство между бедными и богатыми дошло тогда, так сказать, до высшей точки, государство находилось в чрезвычайно опасном положении: казалось, оно сможет устоять, а смуты прекратятся только в том случае, если возникнет тирания»^[91]. Бедные, наблюдая из года в год лишь ухудшение своего положения, правителей, не выказывающих никакой заботы о них, купленных судей и так далее, начинают всерьез обсуждать возможность жестокого восстания. Богатые же, рассерженные тем, что кто-то покушается на их собственность, готовятся встать в не менее жесткую оборонительную стойку. К счастью для греков, здравый смысл восторжествовал и менее воинственно настроенные члены общества поддержали избрание Солона верховным правителем-архонтом. Он провел денежную реформу и отменил долговое рабство (хотя сам был в числе кредиторов); разделил всю территорию полиса на имущественные разряды, в зависимости от

принадлежности к которым варьировался и уровень налогообложения — выплачиваемые богатыми налоги превышали налоги бедных примерно в двенадцать раз; реорганизовал судебную систему, приведя ее к более демократической, и, наконец, организовал содержание и обучение детей тех, кто погиб в афинских войнах, за государственный счет. Богатейшие аристократы были недовольны реформами Солона, считая их грабежом, радикалы же, наоборот, говорили, что земля все еще распределена неравномерно; тем не менее уже следующее поколение афинян воздавало Солону должное, считая, что лишь его усилиями Афины были спасены от кровавой революции^[92].

Когда в Риме распределение богатств достигло критической отметки, сенат занял весьма жесткую позицию по этому вопросу, что вылилось в столетие классовых столкновений и гражданских войн. Избранный трибун Тиберий Гракх объявил о намерении провести аграрную реформу, ограничив размер участка 125 га, а оставшиеся земли надлежало разделить между бедняками. Сенат отклонил эту реформу; тогда Гракх обратился к народу, сказав: «Вы воюете и умираете за чужую роскошь и богатство, вас называют “владыками вселенной”, но ни единого комка земли не можете назвать своим!»^[93] После этого он повторно выставил свою кандидатуру, что запрещалось римским законодательством. Во время беспорядков, вспыхнувших в день выборов (133 г. до н. э.), Тиберий Гракх был убит политическими противниками. Его брат Гай старался придерживаться демократического курса Тиберия и, став трибуном, пытался закончить его дело. Ему также не удалось предотвратить новую волну насилия, и в конце концов (121 г. до н. э.) он повелел своему рабу убить себя; тот исполнил приказание, а затем умертвил и себя самого. Три тысячи сторонников

Гая Гракха казнили по распоряжению сената. Весьма популярным у плебса человеком был и прославленный военачальник Гай Марий, который, впрочем, не был готов встать у руля народного восстания за земельные и прочие права. Катилина хотел списать все долги и возглавить армию «озлобленных бедняков»; заговор был раскрыт Цицероном, а сам Катилина пал в сражении с правительственными войсками в 62 г. до н. э. Юлий Цезарь пытался проводить политику компромисса между знатью и нобилитетом, но после пяти лет гражданской войны был убит в результате заговора патрициев в 44 г. до н. э. Близким соратником и во многом продолжателем дела Цезаря был Марк Антоний, которому сильно мешали на этом пути честолюбие и любовные похождения. В сражении при Акциуме войска Антония были разбиты легионами Октавиана, который затем учредил принципат^[94], на протяжении более чем двух веков поддерживавший *Pax Romana*^[95] как среди социальных классов, так и среди всех стран, покоренных Римской империей^[96].

Спустя несколько веков неразберихи, последовавших за падением Западной Римской империи в 476 г., богатства вновь перераспределились, отчасти под влиянием (и в пользу) католической церкви. Поэтому в определенном смысле Реформация представляла собой обратный процесс распределения, направленный на снижение немецких и английских выплат Римско-католической церкви, а также на передачу некоторых церковных земель и ценностей в пользу секулярных институтов власти. Французская революция предприняла жестокую попытку перераспределения богатств, устраивая многочисленные жакерии^[97] в деревнях и кровавые бойни на городских улицах, результатом чего стал переход собственности и привилегий от аристократии к

буржуазии. Правительство Соединенных Штатов в 1933–1952 и 1960–1965 гг. пошло по стопам Солона, путем мирных преобразований и реформ осуществив необходимое перераспределение благ (вероятно, кто-то из министров увлекался античной историей); обеспеченные классы, естественно, громогласно выразили свое недовольство и огорчение, а затем вновь вернулись к приумножению капиталов.

В заключение можно сказать, что накопление богатств — естественный и необходимый процесс, который периодически прерывается насильственным или же мирным перераспределением. С этой точки зрения вся наша экономическая история представляет собой сердцебиение социального организма, когда диастолы накопления сменяются систолами перераспределения.

Глава 9. О социализме и истории

Исторический ритм накопления и распределения богатств определяется противостоянием социализма и капитализма. Капитализм, несомненно, выполнил в истории созидательную функцию: он превратил сбережения людей в производительный капитал, обещая дивиденды или проценты. Благодаря этому стал возможен процесс механизации сельского хозяйства и производства, а также рационализация распределения средств, что направило невиданный доселе поток товаров от производителя напрямую к потребителю. Капитализм по-своему понял либеральный призыв: утверждалось, что если ослабить гайки всевозможных пошлин и правительственного надзора, то общество будет многократно обеспечено товарами, комфортом, услугами и всем, чего душе угодно. В условиях свободного рынка конкуренция между производителями за потребителя, «пыл и жар» владельцев и работников удесятят производительность и позволяют находить все новые и новые пути оптимизации. В таких условиях для любой экономической потребности рано или поздно обнаруживается отдельная ниша, в соответствии с чем развиваются и всячески поощряются необходимые навыки и таланты. Демократические же процедуры, позволяющие произвести практически любой товар и оказать практически любую услугу, определяются общественным спросом, а не правительственным постановлением. Между тем конкуренция вынуждает капиталиста усердно трудиться ради постоянного совершенствования своей продукции.

В подобном описании капитализма много верного, однако оно умалчивает о постоянных недовольствах, восстаниях и в целом о противлении монополии, манипуляции ценами, уловках и неограниченном обогащении. Все это уходит корнями в седую древность, ко временам первых социалистических экспериментов, коих история насчитывает десятки в самых разных эпохах и странах.

К примеру, мы знаем, что в Шумере (IV–III тысячелетия до н. э.) экономика всецело управлялась государством. Пахотные угодья были собственностью царской семьи. Пропитание рабочих зависело от урожая, поставляемого в царские амбары. Для поддержания огромной экономической машины, требующей постоянной скрупулезной отчетности, была разработана весьма сложная иерархическая система. Десятки тысяч глиняных табличек с записями о приходе или расходе провизии были найдены при раскопках как в столице государства Уре, так и в Лагаше и Умме. Торговля с соседними государствами также велась от имени правительства^[98].

Законами Хаммурапи^[99] в Древнем Вавилоне четко регулировалась система тарифов оплаты труда скотоводов, ремесленников и врачей^[100].

Во время правления династии Птолемеев в Египте (323–30 гг. до н. э.) государство владело землей и управляло сельским хозяйством. Крестьяне получали четкие инструкции: какую землю возделывать и чем ее следует засевать. Урожайность строго контролировалась чиновниками; зерно молотилось сугубо на царских гумнах, а затем доставлялось в царские же амбары. Также государство монополизировало добычу железной руды, производство масла, соли, папируса и тканей. Любые коммерческие операции контролировались и

регулирулись государством. Большинство розничных торговцев были государственными агентами по сбыту произведенных государством (или с его ведома) товаров. Налогом облагались каждый член общества, любая отрасль производства, всякий процесс, товар, услуга и так далее. Для ведения документации приходилось содержать целую армию писцов, а также наладить систему контроля за личной и общественной собственностью. Благодаря всем этим мерам Египет при Птолемах стал богатейшим государством эпохи^[101]. Успешно выполнялись грандиозные инженерные проекты, сельское хозяйство развивалось, и огромная часть прибыли (от торговли) направлялась на улучшение и поддержание инфраструктуры и развитие культурной жизни. Так, в 290-х гг. до н. э. в Александрийском музее была основана знаменитая библиотека, что придавало еще больший импульс развитию науки и искусств. В эпоху Птолемея также создавалась Септуагинта — семьдесят толковников перевели Пятикнижие на греческий язык^[102]. Вскоре, однако, наступил период затратных и кровопролитных войн, правители все больше предавались пьянству и разврату, оставляя власть на попечение мерзавцев, готовых до нитки обобрать бедняков. Год от года государственные поборы ужесточались, народное недовольство росло, выливаясь в стачки и мятежи. Население Александрии, столицы Птолемея, задабривалось и хлебом, и зрелищами, одновременно находясь под бдительным присмотром царской гвардии. Лишенный права голоса народ все больше озлоблялся, сельское хозяйство и промышленность пришли в упадок, начиналось падение нравов. Порядок в государстве так и не был восстановлен вплоть до присоединения Октавианом Египта к Римской империи в 30 г. до н. э.

Свою социалистическую интерлюдия Рим сыграл при императоре Диоклетиане. С ростом бедности и общественного недовольства из-за постоянной угрозы варварских набегов Диоклетиан в 301 г. издал *Edictum de pretiis* (эдикт о ценах), направленный на борьбу со спекуляцией и ростовщичеством. Эдикт устанавливал твердые цены на продукты и услуги. Организовывалось множество общественных работ, чтобы сократить безработицу; также беднякам раздавали еду бесплатно или продавали по низкой цене. Римскому правительству, которому принадлежали все крупнейшие шахты, каменоломни и соляные месторождения, теперь стали подконтрольны и основные отрасли производства, а также торговля. «Во всех крупнейших городах государство стало основным работодателем, с огромным отрывом превосходя любого конкурента из частного сектора, которого в случае необходимости можно было “раздавить” при помощи налогов»^[103]. В ответ на протесты купцов и прочих «бизнесменов» того времени Диоклетиан указывал на то, что враг находится буквально у врат империи и в такой ситуации необходимо уметь жертвовать личными свободами ради общегосударственной безопасности. Диоклетианов социализм, таким образом, представляет собой вариант военной экономики, развившейся из-за страха перед нападением извне. При прочих равных внутренние свободы изменяются обратно пропорционально внешней угрозе.

Впрочем, задача тотального контроля над экономической сферой оказалась чрезмерной для режима Диоклетиана с разрастающейся, затратной и продажной бюрократией; для поддержания контроля над экономикой постоянно повышались военные, судебные и общественные налоги. В результате

выплаты в казну взлетели до таких высот, что параллельно с падением производительности разгорелось состязание в красноречии и крючкотворстве между юристами, помогавшими уклоняться от налогов. Тысячи римлян хлынули за пределы страны, дабы у варваров избежать налоговых поборов своего государства. Чтобы предотвратить столь пагубные для казны перемещения людей, был издан новый указ, жестко закреплявший крестьянина за обрабатываемой землей, а ремесленника — за мастерской, вплоть до того момента, пока он не расплатится по всем долговым и налоговым обязательствам. Отсюда, в числе прочего, берет свое начало средневековое крепостничество^[104].

В Китае социалистические эксперименты предпринимались несколько раз. Историк Сыма Цянь (145 г. до н. э.) рассказывает, как для того, чтобы помешать людям без совести «помещать под замок только для собственного использования богатства гор и морей ради приобретения состояния <...> и закабаления бедных людей»^[105], император У-ди (правил со 141 по 87 г. до н. э.) национализировал все земли страны, расширил государственный контроль за транспортировкой грузов и торговлей, обложил налогом доходы купцов и учредил общественные работы (в том числе по рытью каналов, связывавших между собой реки и способствовавших орошению полей). Таким образом государству удалось накопить достаточный объем товаров; при росте цен они продавались, а когда цены падали — покупались. «В результате, — продолжает Сыма Цянь, — богатые торговцы и крупные лавочники больше не могли получать большие барыши, а цены регулировались по всей империи»^[106]. То была эпоха невиданного расцвета Китая, завершившаяся вскоре после смерти императора. Природные бедствия

и нерадивость подданных отменили продолжение эксперимента. Наводнения сменялись засухами, урожайность резко упала, а цены на зерно взлетели. Помещики и купцы выражали негодование по поводу уровня налогов, утверждая, что всех ленивых и нерадивых взвалили им на плечи. В то же время бедняки, измученные дороговизной жизни, присоединились к богатым, ратуя за возвращение к старым порядкам; раздавались даже призывы заживо сварить того, кто выдумал новую систему. Одна за другой реформы начали отменяться и к тому времени, как к ним обратился правитель-философ Ван Ман, были уже практически полностью преданы забвению.

Ван Ман (правил с 9 по 23 г.) усердно занимался науками, был приверженцем конфуцианства, покровительствовал поэтам и литераторам; свое многомиллионное состояние он раздал друзьям и нуждающимся. Захватив власть, он окружил себя людьми, сведущими в искусствах, науках и философии. В числе проведенных им реформ были национализация всей земли и ее раздел между крестьянами, а также отмена рабства. Подобно У-ди, правительство Ван Мана старалось установить контроль над рынком, поддерживая ссудами под небольшой процент частное предпринимательство. Такая политика вызывала огромное недовольство крупного купечества, в результате чего против Ван Мана был составлен заговор, успеху которого весьма способствовали вторжение неприятеля, а также вновь обрушившиеся на страну засухи и наводнения. Власть захватило знатное семейство Лю, Ван Ман был казнен, а его реформы отменены. Все вновь вернулось на круги своя^[107].

Следующую попытку тотального экономического контроля тысячелетие спустя предпринял первый министр Китая Ван Аньши (правил с 1069 по 1085 г.). Он

считал, что «управление коммерческими операциями, промышленностью и сельским хозяйством должно быть сосредоточено всецело в руках государства, дабы оно имело возможность помочь простым людям переносить тяготы, налагаемые на них богатыми»^[108]. Благодаря учрежденной им системе государственного кредитования многим крестьянам удалось освободиться от ига деревенских ростовщиков; тем, кто был готов переселиться на целинные земли, предлагались специальные субсидии; были развернуты масштабные инженерные работы по защите от наводнений, благодаря чему значительно снизилась безработица. Специальные комиссии в каждой провинции были призваны регулировать уровень выплат и цен. Таким образом, торговля оказалась национализирована. Старикам, безработным и неимущим полагалась пенсия. Кроме того, реформированию подверглись системы образования и экзаменации (посредством которых определялось, годен ли человек к государственной службе); «ученики, — пишет китайский историк, — повыбрасывав учебники риторики, теперь упражнялись на примерах из истории, географии и политической экономики»^[109].

Что же на этот раз помешало эксперименту пройти успешно? Во-первых, высокие налоги, возложенные на всех, чтобы поддерживать работоспособность разрастающегося бюрократического аппарата. Во-вторых, закон, принятый из-за постоянных набегов варваров, согласно которому каждая семья, в которой было более двух взрослых мужчин, должна была выставить одного воина. И, в-третьих, коррупция и бюрократия. Как и множество других государств, Китай в очередной раз встал перед выбором: воровство каждого в отдельности или взяточничество как государственная система. Консерваторы утверждали,

что скверность и нерадивость людей обрекают государственный контроль на провал; лучшим, по их мнению, вариантом экономики был *laissez-faire*, так как он опирается на естественные причины, побуждающие людей к тем или иным поступкам. Богатые же, в свою очередь недовольные высокими налогами и государственной монополией на торговлю, использовали все свое влияние для препятствования реформам и очернения новой системы и ее автора в глазах императора. Неудивительно, что, когда очередные наводнение и засуха дополнились еще и появлением кометы, Сын Неба без промедления отстранил Ван Аньши от дел, отменил его преобразования и вручил власть его оппонентам^[110].

Наиболее продолжительный в истории социалистический строй был установлен в XIII столетии в государстве инков, на территории, которую мы сегодня называем Перу. Основываясь на общей вере в то, что земной правитель является потомком и наследником Бога Солнца, инкское государство установило тотальный контроль над сельским хозяйством, ремеслами и торговлей. Велся строгий и непрерывный учет всевозможных товаров, материалов, работников, доходов и так далее. Благодаря системе дорог, по которой курсировали гонцы с донесениями и приказами, была налажена система коммуникаций, позволявшая осуществлять удивительно полный и точный контроль над столь внушительной территорией. Все без исключения инки были наемными государственными рабочими и, судя по всему, с радостью соглашались на подобную роль, поскольку тем самым гарантировали себе безопасность и пропитание. Государство инков просуществовало вплоть до завоевания Перу конкистадорами Писарро в 1533 г.

На противоположной стороне южноамериканского континента, в португальской колонии на реке Уругвай, 150 иезуитских миссионеров организовали около 200 тысяч индейцев в еще одно социалистическое общество (1609-1750). В руках главы церковной общины была сосредоточена полная власть над сельским хозяйством, торговлей и ремеслами. Сферу деятельности каждый волен был выбирать согласно имеющимся навыкам, однако любой трудоспособный человек обязан был работать восемь часов ежедневно. Устраивались разнообразные мероприятия для досуга: от спортивных состязаний и танцев до хоралов, исполняемых несколькими тысячами голосов, или выступлений музыкантов, игравших европейскую музыку. Монахи-иезуиты также выступали в качестве учителей, врачей, судей; ими был разработан уголовный кодекс, запрещающий смертную казнь. Словом, индейцы были довольны этим устройством и с неистовым пылом защищали его границы. В 1750 г. Португалия уступила испанской короне семь иезуитских поселений. Прошел слух, что в этих землях несметные залежи золота. Испанская колониальная администрация требовала немедленно занять эти территории, и португальское правительство во главе с маркизом ди Помбалем (на тот момент конфликтовавшим с иезуитским орденом) приказало иезуитам и индейцам покинуть поселения. Они не подчинились, индейцы яростно сопротивлялись^[111], но спустя некоторое время мятежи были подавлены, и эксперимент подошел к концу^[112].

Во время социальных волнений, сопровождавших Реформацию в Германии, то тут, то там звучали коммунистические призывы, основанные на библейских максимах. Например, священник Томас Мюнцер проповедовал против знати, роскоши, золота и

изнеженного всеми этими благами духовенства, призывая устроить «братское объединение» всех людей, где имущество стало бы общим^[113]. Множество крестьян, вдохновленных призывом восстановить изначальный апостольский коммунизм, присоединились к Мюнцеру, и он повел их в бой. Сражение было проиграно, пять тысяч крестьян казнены, а Томас Мюнцер схвачен и обезглавлен. По-своему истолковав учение Мюнцера, Ганс Хут основал в Аустерлице социалистическое общество анабаптистов, просуществовавшее почти столетие (1530–1622). Иоанн Лейденский руководил общиной анабаптистов, взявших под контроль столицу Вестфалии Мюнстер. Коммунистический режим Иоанна простоял чуть больше года (1534–1535)^[114].

В XVII столетии левеллеры (то есть уравниатели), присоединившись к армии Кромвеля, буквально умоляли своего нового предводителя реализовать в Англии коммунистическую утопию. Во время Реставрации социалистическая агитация пошла на убыль, однако вновь обрела былую мощь, когда промышленная революция обнажила алчный оскал капитализма: в порядке вещей были изнурительный многочасовой труд для женщин и детей, мизерное жалованье, антисанитария и трущобы. «Великую хартию»^[115] социалистическому движению даровали Карл Маркс и Фридрих Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» (1848), чуть позже присовокупив к ней и «Библию» — «Капитал» (1867–1894). Согласно их прогнозам, страной, с которой начнется социалистическая революция, должна стать Англия. Ни Маркс, ни Энгельс не дожили до коммунистического восстания в России, без сомнения, удивившего бы обоих.

Почему же социализм пришел в Россию, где капитализм находился в зачаточном состоянии, не было крупных предприятий, способствующих переходу к государственному контролю? Конечно, весомый вклад внесли вековая нищета крестьян и протестные настроения интеллектуалов, но в 1861 г. крепостное право отменили, а интеллигенция была склонна к анархизму как антиподу всепоглощающего государства. Пожалуй, главными причинами победы революции 1917 г. стали неумелые действия царского режима как на театре военных действий, так и во внутреннем управлении страной. Экономика империи погрузилась в хаос; процветало дезертирство — крестьяне бежали с фронта с оружием в руках; при этом германское правительство создало все условия для прибытия Ленина и Троцкого в Россию. Революция обрела коммунистический характер: новое государство столкнулось с разрухой вкупе с внешними угрозами. Русские действовали так же, как и любой другой народ, на который нападают: личные свободы были отброшены до восстановления порядка и безопасности. Здесь коммунизм также устанавливался на фоне военной экономики. Вероятно, сама его суть предполагает критическую зависимость от поддержания страха войны. Таким образом, даже миролюбивое поколение предположительно пропитается всеми присущими людям пороками и страхами.

В наши дни^[116] социализм в России возвращает личную заинтересованность, дабы обеспечить большую производительность всей системе, а также допускает больше свобод в жизни людей. Параллельно в капитализме наблюдаются обратные тенденции, имеющие целью ограничить индивидуальные свободы путем квазисоциалистических законодательных мер, а также перераспределить богатства посредством

«государства всеобщего благосостояния» (welfare state). Маркс был, так сказать, неверующим апостолом при Гегеле; Гегелеву диалектику он интерпретировал в ключе борьбы между капитализмом и социализмом с окончательной победой последнего. Однако если применить формулу Гегеля «тезис — антитезис — синтез», где тезисом выступает промышленная революция, а противостояние капитализма и социализма — антитезисом, то в таком случае третьим условием станет синтез их обоих, к чему, по-видимому, и стремится западная цивилизация. Роль государства в экономике стран Запада год от года возрастает, в то время как доля частного сектора постоянно снижается. Капитализм прочно укрепился в частной собственности, свободном предпринимательстве, рыночной конкуренции и с готовностью наводняет рынок товарами и услугами. Высокие налоги, лежащие на плечи наиболее обеспеченных классов, позволяют государству обеспечивать общество невиданными доселе услугами в сфере образования, здравоохранения и досуга. Боязнь капитализма заставила социалистические страны расширить свободы; боязнь же социализма вынудила капиталистические страны уделить больше внимания равенству. Восток есть Запад, а Запад есть Восток, и скоро эти половинки-близнецы сойдутся.

Глава 10. О государстве и истории

Александр Поуп^[117] считал, что обсуждать формы государственного устройства — удел глупцов^[118]. Впрочем, истории найдется что сказать о каждой из этих форм, а также о феномене государства в целом. Раз уж люди столь высоко ценят свою свободу, а свобода личности в обществе в обязательном порядке требует некоторой регуляции, первым и очевидным условием свободы являются ее ограничения; в противном случае, едва сделавшись абсолютной, она погибает в хаосе. Таким образом, наипервейшая задача государства — установление порядка. Организованная и централизованная власть — единственная альтернатива непредсказуемым и разрушительным силам отдельных лиц. Власть, по сути своей, всегда стремится к средоточию, сильному центру, поскольку осознает очевидность своей слабости, проявляющейся в распылении усилий и раздробленности интересов, подобно тому как было в Речи Посполитой при *liberum veto*^[119]. Именно поэтому консолидация монархической власти в руках Ришелье или Бисмарка была столь высоко оценена историками, несмотря на протесты современников. Схожий процесс инициировал централизацию власти федерального правительства Соединенных Штатов: что толку было говорить о «правах» штатов, покуда экономика страны совершенно не отличала один штат от другого и управлялась сугубо единой центральной властью. Целью нынешних международных организаций также является создание единого центра управления

промышленными и торгово-финансовыми секторами поверх государственных границ.

Пожалуй, наиболее естественной формой государственного управления представляется монархия, поскольку она исходит из очевидного авторитета отца, вождя и тому подобных фигур. Если бы мы судили о формах правления лишь исходя из их распространенности и исторической продолжительности, то, вне всяких сомнений, пальму первенства следовало бы отдать именно монархии. Демократии же, напротив, были в нашей истории лишь краткосрочными вспышками.

После погружения римской демократии в череду классовых и гражданских войн (усилиями братьев Гракхов, Гая Мария и Цезаря) Октавиану Августу удалось насадить монархический порядок, результатом которого стало одно из величайших достижений в истории государственности — Pax Romana, благодаря чему в громадной империи, простиравшейся от Атлантики до Евфрата и от Шотландии до Черного моря, с 30 г. до н. э. до 180 г. н. э. царили мир и благоденствие. Затем правили Калигула, Нерон и Домициан, опозорившие римскую монархию на всю мировую историю, после которых, впрочем, наступил, как говорит Ренан, период «величайшего усилия правительственного рационализма» длиною в «восемьдесят четыре года превосходного управления» императоров Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия и Марка Аврелия. «Если бы, — соглашается с Ренаном Гиббон, — у кого-нибудь спросили, в течение какого периода всемирной истории положение человеческого рода было самое счастливое и самое цветущее, он должен бы был без всяких колебаний назвать тот период, который протек от смерти Домициана до восшествия на престол

Коммода^[120] <...> Это едва ли не единственный период в истории, когда счастье громадного народа было единственной целью правительства»^[121]. В ту замечательную эпоху подданные Рима гордились самым фактом принадлежности к великой и могучей империи. Монархи управляли страной с умом, передавая власть не абы какому своему отпрыску, но наиболее способному и достойному из своего окружения; они усыновляли, образовывали и культурно просвещали будущих наследников, лишь постепенно подводя их к верховной власти. Система прекрасно работала отчасти потому, что ни у Траяна, ни у Адриана не было собственных детей, а все сыновья Антонина Пия умерли еще во младенчестве. Коммод, сын Марка Аврелия, унаследовал престол отца, поскольку императору-философу не удалось найти более достойного преемника. И уже вскоре Римом заправлял хаос^[122].

В общем и целом можно сказать, что монархия продемонстрировала в истории довольно средние результаты. Интриги и войны за престолонаследие принесли, пожалуй, столько же зла, сколько длительные и «легитимные» династии — добра. Наследование власти само по себе уже располагает к кумовству, недальновидности, безответственности и прочим царственным эскападам, нежели к благородному аристократизму и мудрой государственности. Людовика XIV часто упоминают как образец просвещенного монарха, однако его смерти радовалась чуть ли не вся Франция. Судя по всему, устройство современного государства просто не располагает к тому, чтобы подчиняться воле одного-единственного человека.

Словом, большинство государств в истории были олигархическими, то есть такими, которыми управляло меньшинство, — по праву рождения (в условиях

аристократии), принадлежности к религиозной организации (при теократии), по благосостоянию (при демократии). Как заметил еще Руссо, правление большинства совершенно неестественно, так как оно редко умеет действовать согласованно и конкретно, в то время как у меньшинства это получается очень хорошо. Если практически все возможности принадлежат меньшинству, то власть такого меньшинства над большинством попросту неизбежна, а с нею — и накопление богатств. Большинство не умеет ничего лучше, чем периодически сбрасывать с трона одно меньшинство и возводить другое. С точки зрения аристократии (как формы правления) принцип избрания меньшинства по праву рождения является наиболее разумной альтернативой имущественному, религиозному или же насильственному цензу. Она освобождает некоторых избранных от утомительного экономического выживания, последовательно образовывая, подготавливая и постепенно подводя их к решению важных государственных задач; ни семья, ни школа подобной подготовки обеспечить не в состоянии. К тому же аристократия — не только «теплица», возвращающая государственных мужей, но и кладезь культуры, высоких этических принципов, воспитания, вкуса и так далее. Таким образом, аристократия служит упрочению и стабильности общества, помогая ему не поддаваться мимолетным настроениям, панике, неврозам, — словом, всему, что способствует падению нравов. Далеко за примером идти не нужно: взгляните на нравы, манеры, вкусы и искусство после Французской революции.

Аристократы вдохновляли, поддерживали и влияли на искусство, однако сами редко его создавали. Аристократ часто склонен смотреть на художника как на труженика, предпочитая искусство жизни жизни в искусстве. Немногие аристократы согласились бы

настолько сузить свой прекрасный мир, добровольно отправившись на изнурительную «каторгу», которая зачастую и является ценой гениальности. Писатели среди аристократов также редки, поскольку сочинять ради публикации для них сродни эксгибиционизму и торговле. В результате аристократам стал присущ беззаботный и дилетантский гедонизм, они пребывали в пожизненном отпуске, в котором привилегии использовались в полной мере, а обязанности часто игнорировались. Неудивительно, что множество аристократических государств бесславно канули в Лету! Ведь *«Государство — это Я»* и *«После нас хоть потоп!»*^[123] разделяют каких-то три поколения!

Словом, все идеи служения ничуть не помогли, когда аристократия монополизировала привилегии и власть, закабалила и эксплуатировала народ (что вопиющим образом препятствовало развитию государства), а ведь это оправдывалось необходимостью следовать заветам предков. Черта была пройдена, и подобное расточительство людских и прочих ресурсов ради чьей-то победы в династических и территориальных противостояниях долго продолжаться не могло. Проигравшие стороны, скооперировавшись, нанесли ответный удар. Сформировавшийся обеспеченный класс совместно с бедными и угнетенными восстал против обструкции и стагнации, и гильотины тысячекратно обрушились на шеи прежней аристократии. Настал черед демократии испытать свои слабости на поприще управления.

Оправдывает ли история революции? Вопрос старый; можно вспомнить яростный разрыв с католической церковью Лютера и призывы Эразма Роттердамского, уповавшего на терпение и системные преобразования, или грандиозный спор приветствовавшего Французскую революцию Чарльза

Фокса и наотрез отказавшегося принимать власть толпы консерватора Эдмунда Бёрка. Порой истощенная и закоснелая система словно сама бросает себя на вилы кровавого переворота, как произошло в России в 1917 г. Однако в большинстве случаев достижения революции, скорее всего, пришли бы и без нее путем последовательного экономического развития всей системы. Америка, по-видимому, обрела бы доминирующие позиции в англоязычном мире в любом случае, даже если бы и не случилось никаких революций. Французская революция в итоге попросту заменила землевладельческую аристократию на преуспевающих дельцов и торговцев; в XIX столетии тот же самый процесс без всякой революционной составляющей происходил в Англии. Резкий разрыв с прошлым чреват безумием и паникой, подобно тому как серьезной ране или ушибу сопутствует болевой шок. Как душевное здоровье человека опирается на непрерывность его памяти, так и духовное здоровье народа опирается на непрерывность традиций; когда одно из звеньев цепи обрывается, возникает невротическая реакция, наподобие сентябрьских расправ в Париже в 1792 г. [\[124\]](#)

Поскольку благосостояние представляет собой порядок и процедуру производства и обмена, а не накопление товаров (зачастую скоротечное), а также некий кредит доверия к людям и институтам, а не к исконной стоимости бумажных денег или чеков, кровавые революции не столько перераспределяют богатство, сколько уничтожают его. Конечно, в результате переворота вполне может произойти и передел земельных владений, однако природное неравенство вскоре вновь возьмет верх и воссоздаст неравенство собственности и привилегий, воздвигая на пьедестал новое меньшинство, обладающее ровно теми

же инстинктами, что и прежде. Единственная *реальная* революция — это просвещение разума и духа, единственная *реальная* эмансипация — осознание собственной внутренней свободы и обуздание ее, единственные *реальные* революционеры — философы и святые.

Демократия — в строгом смысле — существует совсем недолго, едва ли со времен Французской революции. К примеру, в Америке право голоса для взрослого мужского населения было введено еще Эндрю Джексон^[125] как всеобщее избирательное право для взрослого населения — демократия появилась уже на нашем веку. В древней Аттике из общего населения в 315 тысяч человек 115 тысяч были рабами и лишь 43 тысячи — гражданами с правом голоса^[126]. Женщины, практически все ремесленники и торговцы, а также все чужестранцы были лишены права участвовать в политической жизни полиса. Гражданское же меньшинство, в свою очередь, состояло из двух сословий: олигархического — преимущественно зажиточных землевладельцев и богатых горожан и демократического — граждан, владевших небольшими земельными наделами или малым бизнесом, а также наемных работников, не утративших гражданства. В правление Перикла (461–429 гг. до н. э.) среди афинских граждан преобладало аристократическое сословие, что способствовало расцвету литературы, театра, живописи и прочих искусств. После его смерти и последующего упадка аристократии в результате поражения Афин в Пелопоннесской войне (431–404 гг. до н. э.) к власти пришел *демос* — граждане более низких сословий, что вызывало брезгливое отвращение у Сократа и Платона. Начиная с реформ Солона и вплоть до окончательного покорения Греции Римом (146 г. до н. э.)

противостояние олигархии и демократии сопровождалось разоблачительными сочинениями и пьесами, пламенными речами ораторов, изгнаниями, жестокими убийствами и гражданскими войнами. На Керкире (современный Корфу), к примеру, находившиеся у власти олигархи в 427 г. до н. э. учинили кровавую расправу над шестьюдесятью лидерами народной партии; затем произошел переворот, демократы судили и казнили около пятидесяти олигархов и уморили голодом несколько сотен арестованных аристократов. Описываемые Фукидидом события весьма напоминают парижские события 1792–1793 гг.

В течение семи дней <...> керкиряне убивали из числа сограждан всех, казавшихся им врагами <...> Смерть царила во всех видах, происходило все то, что обыкновенно бывает в подобные времена, и даже больше: отец убивал сына, молящихся отрывали от святынь, убивали и подле них; некоторые были замурованы в святилище Диониса и там погибли <...>

До такого ожесточения дошла междоусобная распря. Она показалась тем ужаснее, что проявилась впервые. Действительно, впоследствии вся Эллада, можно сказать, была потрясена, потому что повсюду происходили раздоры между партиями демократической и олигархической <...> Все эти злодеяния большею частью имели место впервые на Керкире, а именно: все, что могло быть совершено в отмщение правителям, действовавшим с наглостью, без всякой умеренности и вызывавшим мстительность со стороны управляемых; все, что могло быть сделано для избавления себя от обычной

бедности, в особенности вследствие противозаконной решимости и страстного желания захватить чужое добро; наконец, все, что люди могли учинить не из мести за превосходство, но будучи почти в равном положении с противниками, впадая в крайность вследствие необузданности страстей и действуя с ожесточением и беспощадностью <...> Беспартийные граждане истреблялись обеими сторонами или потому, что они не оказывали требуемой от них поддержки <...> Таким образом, вследствие междоусобиц нравственная порча во всевозможных видах водворилась среди эллинов [\[127\]](#).

Платон в «Государстве» устами Сократа бичует афинскую демократию как хаос, насилие, культурный упадок и вырождение нравов:

<...> в сопровождении многочисленного хора наглость, разнузданность и распутство будут увенчивать венками и прославлять в смягченных выражениях: наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность — свободой, распутство — великолепием, бесстыдство — мужеством <...> Отец привыкает уподобляться ребенку и страшиться своих сыновей, а сын — значить больше отца; там не станут почитать и бояться родителей (всё под предлогом свободы!), учитель боится школьников и заискивает перед ними, а школьники ни во что не ставят своих учителей и наставников. Вообще молодые начинают подражать взрослым и состязаться с ними в рассуждениях и делах, а старшие, приспособляясь к молодым и подражая им, то

и дело острят и балагурят, чтобы не казаться неприятными и властными <...> Стоит сказать, какое равноправие и свобода существуют там у женщин по отношению к мужчинам и у мужчин по отношению к женщинам <...> Душа граждан делается крайне чувствительной, даже по мелочам: все принудительное вызывает у них возмущение как нечто недопустимое. А кончат они <...> тем, что перестанут считаться даже с законами — писаными или неписаными, — чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над ними власти <...> Так вот, тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство^[128].

Ко времени смерти Платона (347 г. до н. э.) его резкая критика афинской демократии уже получила историческое подтверждение. Афины восстановили финансовое благосостояние, однако теперь оно основывалось на торговле, а не на земельных владениях. На вершине вновь перевернувшейся экономической пирамиды восседали ремесленники, купцы и ростовщики. Такая перемена сразу же вылилась в лихорадочное накопительство — *плеонексию*, как называли его греки, то есть жажду чего-либо во все больших и больших объемах. *Нувориши*^[129] пытались перещеголять друг друга в крикливости строящихся хором, пышности нарядов и драгоценностей их дам, количестве прислуги, размахе устраиваемых пиршеств и так далее. Разрыв между богатыми и бедными становился все шире и глубже; Афины стали, как говорит Платон, «двумя враждебными между собой государствами: одно — бедняков, другое

— богачей»^[130]. Бедняки строили планы, как бы лишить богатых их имущества при помощи законов, налогов и мятежей; богатые же старались организованно давать им отпор, защищая накопленное от посягательств. Порой даже олигархи, как сообщает Аристотель, приносили следующую клятву: «И буду я враждебно настроен к простому народу и замышлять против него самое что ни на есть худое»^[131]. «Бедные дошли до такого распада связей между собой, — писал Исократ около 366 г. до н. э., — что люди состоятельные охотнее бросили бы свое имущество в море, чем оказали бы помощь нуждающимся, а бедные меньше обрадовались бы находке клада, чем возможности силой захватить имущество богатых»^[132]. Получив большинство голосов, бедные афиняне тут же принялись голосовать за то, чтобы изъять имущество богатых в казну, дабы перераспределить его между всеми гражданами. Политики же изыскивали новые изощренные способы обогащения. Жители некоторых городов поступали намного проще: шли и массово убивали кредиторов и богачей. К примеру, во время одного из таких волнений в Аргосе местным демосом были жестоко убиты несколько сотен аристократов; все их имущество было конфисковано. Поэтому знатные семьи из разных греческих городов стали тайне заключать друг с другом союзы — на случай народных восстаний. Средний класс, как и богачи, вскоре разочаровался в демократии, видя, сколь питаема она завистью; бедные же теряли к демократии интерес, все яснее осознавая, что мнимое равенство при голосовании обесценивается все нарастающим неравенством финансовым. Общественное недовольство происходящим в стране сказалось как на внутренней, так и на внешней ее политике. Поэтому, когда в 338 г. до н. э. Филипп Македонский, разгромив греков, вошел в Афины, многие

аристократы приветствовали его, предпочтя завоевание народной революции. Так под пятой македонской диктатуры пала афинская демократия^[133].

Платоновская редукция политической эволюции до смены монархии на аристократию, аристократии — на демократию с последующим переходом в тиранию нашла и другое отражение в истории, а именно в Риме. На протяжении III и II столетий до н. э. римский олигархат управлял внешней политикой и армией, подчинив и обложив данью все Средиземноморье. Нажитое таким образом богатство оседало «в карманах» патрициев. Покоренные греки, семиты, африканцы и прочие народы доставлялись в Рим в качестве рабов на *латифундии*; потомственные фермеры, лишенные своей земли, присоединились к городским безработным и беднякам, получавшим месячную пенсию по закону Гая Гракха от 123 г. до н. э. Полководцы и проконсулы возвращались из провинций с обозами, груженными трофеями и богатствами как для себя, так и для властителей. Богачи множились, словно грибы после дождя. Мешок с деньгами стал применяться в качестве рычага политического управления намного чаще, чем земельный надел; противоборствующие партии соревновались в оптовой скупке голосов и кандидатов. Так, на выборах в 53 г. до н. э. подкуп голосов достиг небывалых размахов в 10 млн сестерциев^[134]. Когда же и деньги не помогали, на помощь приходило убийство: проголосовавшего не должным образом вполне могли избить до смерти или спалить его дом. Никогда еще древний мир не знал столь богатого, могучего и продажного правительства^[135]. Аристократы призывали своего кандидата Помпея отстаивать их благосостояние; народ же уповал на Цезаря. Испытание поединком заменил аукцион, победа в котором

досталась Цезарю, установившему затем единоличную диктатуру. В результате заговора аристократам удалось убить его, но в итоге к власти пришел Октавиан Август, внучатый племянник Цезаря, усыновленный им. Демократия пала, монархия была восстановлена — Платоново колесо описало полный оборот.

Пожалуй, можно согласиться, что классические античные демократии, разьедаемые рабовладением, издоимством и постоянными кровопролитиями, не слишком соответствовали названию «власть народа». Американская демократия обладала более прочным фундаментом: в наследство от Британской империи переселенцам достались законодательство, еще со времен Великой хартии вольностей^[136] защищавшее народ от произвола властей, и протестантизм, обеспечивший религиозную и мировоззренческую свободу. Американская революция стала, таким образом, не просто восстанием колоний против удаленного управителя, а скорее бунтом против заморской аристократии народившегося в Новом Свете среднего класса. Успешному распространению мятежа весьма способствовали изобилие земли и минимум законов. Обрабатывавшие собственную землю и самостоятельно обеспечивавшие себя люди контролировали (насколько им позволяла природа) условия, в которых жили. Так для их политических свобод появлялась экономическая основа. Их земля формировала их личность и характер. Именно такие, живущие и трудящиеся на своей земле люди избрали президентом Джефферсона — скептика под стать Вольтеру и революционера под стать Руссо. Правительство, без надобности не вмешивающееся в дела своих граждан, было необходимо для того, чтобы превратить дикие американские земли в сказочную утопию наяву, чтобы государство из младенца на

европейском иждивении переродилось в сильного соперника и защитника Западной Европы. Как удаленность наделов способствовала развитию личных свобод, так и удаленность и островное положение государства позволили развивать свободу и укреплять безопасность. Эти и сотни прочих условий помогли Америке выработать демократическую систему, подобной которой история прежде не знала.

Многие из тех условий уже давно канули в Лету. Удаленные земельные владения поглощены разросшимися городами. Потребность в оборудовании и привлечении капитала из сторонних источников поубавила независимость работников, вынуждая их объединяться в союзы. Война становилась всепоглощающей, и человеку было больше не по силам понять ее причины или избежать ее последствий. Свободное распределение земли отжило свое, сменившись домовладением с минимальным земельным участком. Некогда работавшие только на себя лавочники нынче представляют собой лишь звенья огромных торговых цепочек, историческим эхом отражая выводы Маркса о цепях^[137]. Экономическая свобода даже для среднего класса все чаще и чаще становится исключением, нежели правилом, превращая политические свободы в утешительное притворство. Причиной всего этого стала не развращенность богатых (как нам казалось в юности), а развитие экономики, беспристрастное и неизбежное, а также сама человеческая природа. С каждым новым шагом на пути экономического развития те или иные способности становятся более востребованными либо теряют в цене, определяя «гравитационные законы», согласно которым распределяются блага, ответственность и политическая власть.

Демократия считается наисложнейшей формой государственности, так как требует наиболее широкого уровня просвещенности; мы же позабыли о просвещении, озаботившись сугубо своим суверенитетом. Да, образование широко распространено, но просвещение испытывает постоянное сопротивление и давление со стороны той самой «простоты», которая подчас «хуже воровства». Один древний циник верно заметил, что «не следует возводить на престол глупость лишь потому, что ее столь много вокруг». Но ведь глупости и не нужен престол! Ей достаточно просто на время вверить себя какой-нибудь сильной руке, чтобы та на свой лад слепила общественное мнение. Наверное, Авраам Линкольн был прав, утверждая, что «нельзя все время дурачить всех»^[138], но все же, пожалуй, можно одурачить достаточное количество граждан, чтобы управлять огромной страной.

Повинна ли демократия в нынешнем упадке искусства? Понятно, что это вопрос спорный и субъективный, а те из нас, кто содрогается при виде хаотично разбросанных на полотне пятен краски, коллажей из мусора и какофонии сродни вавилонскому столпотворению, — попросту узники в темнице прошлого, не способные на смелые эксперименты. Производители таких «шедевров» обращают свой призыв в первую очередь вовсе не к широким массам, считающим подобных «творцов» душевнобольными, маргиналами или шарлатанами, а к легковерному среднему классу платежеспособных граждан, словно под гипнозом жадно глотающих все сколь угодно ущербное и бездарное, что бы ни сошло с аукционных лотов. Демократия тут повинна лишь в том смысле, что не смогла выработать новые вкусы и стандарты взамен тех, что исчезли с падением прежней аристократии (и

тех, кто помогал художникам и композиторам прошлого увидеть и услышать гармонию и красоту). Нынешнее искусство, кажется, уже и само заблудилось во всевозможных *бизаррериях*^[139]. Так происходит не только оттого, что вкус творческого человека вульгаризировался, поддавшись влиянию толпы, но и потому, что приемы и методы старой школы исчерпаны и художник интуитивно пытается обнаружить новые паттерны и стили, правила и дисциплины.

Можно прийти к заключению, что демократия нанесла меньше вреда и принесла больше пользы, чем все прочие формы управления. Благодаря ей люди обрели живую общность, перевешивающую все изъяны человеческой природы, а мысль, наука и предпринимательство получили необходимую для своего развития свободу. Демократии Афин и Рима прославились в веках, а американская демократия всего за два столетия сумела обеспечить достаток беспрецедентному количеству поддерживающих ее граждан. Задачами нынешней демократии стали преимущественно распространение и интенсификация образования и поддержка здравоохранения. Чем выше будет доступность образования, тем реальнее и ощутимее станут и плоды демократии. Такова сермяжная правда, скрытая в красивых демократических лозунгах: хотя люди и не могут быть равны от природы, доступность образования и даруемых им возможностей *может* быть практически равной для всех. Права человека — вовсе не право занимать некую должность или обязательно получить властные полномочия; это его неотъемлемая возможность попасть туда, где бы он мог проявить свои способности, доказав свою пригодность к занятию этой должности или получению властных полномочий. Право

— не дар Бога или природы; право — привилегия членов группы, отмечающей важность каждого из них.

В Англии, Соединенных Штатах, Дании, Норвегии, Швеции, Швейцарии и Канаде демократия переживает невиданный расцвет. Она отважно защищала себя от нападков иностранных диктаторов, не оставив в своих пределах и тени авторитаризма. Тем не менее если военные конфликты продолжатся, а в человеке вновь возобладает стремление к мировому господству путем захвата и покорения, то демократические свободы одна за другой падут в армейской муштре и всеобщем раздоре. Кто бы ни поднимал меч расовой или классовой войны, обращая политическую дискуссию в слепую ненависть, пусть знает, что тем же мечом он будет сражен^[140]. В тот день, когда наша свободная экономика не сможет достойным образом распределять производимые блага, вновь распахнутся врата диктатуры, куда волен будет войти каждый, кто убедительнее посулит всем остальным защиту и опеку. Какими бы чарующими и заманчивыми лозунгами ни прикрывалось военное правительство, оно неминуемо поглотит весь демократический мир без остатка.

Глава 11. Об истории и войне

Война — одна из исторических констант, которую ни в коей мере не поколебало ни развитие цивилизации, ни пришествие демократии. Из 3421 года документированной истории лишь 268 лет не знали войн. Мы уже рассматривали войну с точки зрения высшей формы соревнования и естественного отбора. «*Polemos pater panthon*», — говорит Гераклит, то есть «война [или соревнование] — отец всего»^[141], источник всех потенциальных идей, изобретений, институций и форм государственности. Мир — лишь шаткое равновесие, поддерживаемое признанием чужой силы или равенством противников.

Причины войны те же, что и причины соревнования между людьми: стяжательство, воинственность и гордыня; желание обеспечить себя пропитанием, территорией, материальными благами, топливом и обрести власть. Наши государства впитали все наши инстинкты, но проигнорировали наши ограничения. Ведь человек зачастую признает над собой власть морали или закона: вместо агрессивного сопротивления он соглашается сесть за стол переговоров, так как государство гарантирует ему защиту (жизни, собственности и иных прав). Государству же как таковому никакие ограничения не присущи: либо оно достаточно сильно, чтобы противостоять любому внешнему вмешательству в проявление его воли, либо же не существует некоего сверхгосударства, готового гарантировать защиту базовых прав гражданина, а этика или международное право попросту не обладают достаточным влиянием.

Человеческая гордость делает соперничество людей более ожесточенным и непримиримым, гордость

государств выражается в национализме, повышающем накал дипломатических и военных баталий. Едва освободившись от владычества папы римского, практически все европейские страны разожгли костер национальной гордости, дабы поддержать свои армию и флот. Теперь, чуть только на горизонте маячил конфликт с той или иной страной, как тут же в костер подбрасывались поленья, доводящие ненависть до точки кипения, звучали соответствующие лозунги, призывы и обвинения (при этом, однако, подчеркивалась горячая любовь к миру).

Впрочем, предрасположенность человека с боязнью относиться ко всему чужому и новому (и, соответственно, иностранному) играла свою роль только в самых простых конфликтах. В Европе между религиозными войнами XVI в. и войнами Великой французской революции к ней редко прибегали. Людям дозволялось признавать достижения и цивилизацию государства-противника. К примеру, англичане спокойно путешествовали по Франции, пока та воевала с Англией, а французы и Фридрих Великий продолжали восхищаться друг другом, сражаясь друг против друга в Семилетней войне. В XVII и XVIII столетиях война была скорее соревнованием аристократов, а не народов. Лишь в XX в. развитие технологий, коммуникаций, логистики, оружейного дела и способов идеологической обработки масс превратило войну во всеобщее сражение, в котором насилию подвергались как военные силы, так и мирное население, а победа достигалась путем наибольшего уничтожения чужого имущества и человеческих жизней. В наше время единственный военный конфликт может стереть с лица земли плоды многовекового кропотливого труда градостроителей, архитекторов, художников, простых людей, да и саму цивилизацию. В качестве оправдательно-утешительного приза война предлагает

развитие науки и промышленности, чьи смертоносные изобретения, если о них не позабудут во всеобщей разрухе и варварстве, обещают приумножить материальные блага в мирное время.

Во все времена полководцы и правители (за редкими исключениями вроде Ашоки и Августа) с улыбкой воспринимали философов, боязливо сторонящихся войны. Сражение с точки зрения военной интерпретации истории — абсолютно естественный и необходимый третейский судья, имеющий решающее слово в любом споре; не принимают этого лишь простаки и трусы. Что же, если не победа Карла Мартелла при Пуатье^[142], избавило Францию и Испанию от участи стать мусульманскими? Что случилось бы с нашим классическим наследием^[143], если бы русские воины не встали на пути татаро-монгольского нашествия? Полководцы, тихо-мирно умирающие в своих постелях, вызывают у нас усмешку (люди вообще часто склонны забывать, что живой генерал гораздо ценнее мертвого), но, когда они одерживают верх над Гитлером или Чингисханом, мы устанавливаем им памятники. Невероятно жалко (скажет нам генерал), что на войне погибает так много молодых людей, но ведь в автомобильных авариях их погибает еще больше! В то же время множество юношей либо предаются бесчинствам вследствие отсутствия дисциплины, либо чахнут из-за невозможности выплеснуть энергию; необходимо дать выход их воинственности, жажде приключений, помочь им преодолеть усталость от постылой рутины. Ведь каждый смертен, так почему бы не положить жизнь в сражении за родину под анестезией упоения битвой и славой? Даже философ, если только он знаком с историей, подтвердит, что длительный мир способен фатально ослабить военную силу и сноровку народа.

При нынешней неэффективности международного права и царящих настроениях каждая страна должна быть готова в любой момент защитить себя от нападения; в случае же, когда речь идет о выживании, она должна иметь возможность использовать для достижения этих целей любые средства, которые сочтет необходимыми. Когда решается вопрос самосохранения, десять заповедей умолкают.

Совершенно ясно (продолжает тот же генерал), что в наши дни на плечи Соединенных Штатов возлагается бремя, которое прежде несла Британская империя, а именно защита западной цивилизации от внешних угроз. Коммунистические страны, вооруженные прежним уровнем рождаемости^[144] и оснащенные новым оружием, неоднократно заявляли о своей решимости разрушить экономику и независимость некоммунистических государств. Молодые страны, стремившиеся включиться в промышленную революцию и жаждущие ее преимуществ в виде экономических благ и военной мощи, были весьма впечатлены индустриализацией, проведенной в России. Конечно, капитализм в итоге может оказаться продуктивнее, но он уж точно уступает по темпам развития. Поэтому молодые руководители этих стран вполне могут пасть жертвой коммунистической пропаганды, затем коммунисты развернут в этих странах свою агентурную сеть, а потом и вовсе устроят государственный переворот. Если не предотвратить этот процесс, то уже совсем скоро практически вся Азия, Африка и Южная Америка встанут под коммунистические знамена, в результате чего Австралия, Новая Зеландия, Северная Америка и Западная Европа окажутся в плотном кольце враждебных государств. Только представьте, какое влияние подобные события окажут на Японию, Филиппины и Индию! А на и без того довольно

влиятельную итальянскую коммунистическую партию? А после победы коммунизма в Италии вообразите, что будет во Франции? Великобритания, Скандинавия, Нидерланды и ФРГ^[145] окажутся крошечными капиталистическими островками в бушующем коммунистическом океане. Неужели теперь, когда Северная Америка достигла вершин могущества, она должна безропотно принять такую участь, бесславно ожидая у своих границ, пока враждебные государства не окружат ее? Как можно допустить, чтобы эти страны контролировали доступ к ресурсам и рынкам, вынуждая (как всегда бывает, когда один народ захватывает другой) по своему образцу установить государственную диктатуру над каждым некогда свободным действием? Должны ли лидеры сегодняшней Америки решать серьезные проблемы, опираясь лишь на нынешнее ленивое поколение, предпочитающее, подобно эпикурейцам, наслаждаться жизнью^[146], или все же попытаются подумать о том, каких действий ожидали бы от них поколения грядущие? Разве не было бы умнее и расчетливее сразу оказать сопротивление? Прийти с войной к врагу, чтобы сражаться на его земле; пожертвовать, если придется, сотней тысяч американских солдат и, может, еще с миллионом гражданского населения ради свободы и безопасности в самой Америке? Разве подобная дальновидность не следует из множества полученных нами уроков истории?

Философ на это ответит генералу: «Да, конечно. Но те же уроки учат нас предвидеть и катастрофические разрушения в результате этих дальновидных стратегических инициатив (еще и с поправкой на огромный технологический прогресс, численность армий и разрушительную силу новейших вооружений)». Есть нечто более важное, чем история. Где-нибудь и

когда-нибудь, во имя всего человеческого, нам все же придется пойти наперекор тысячам и тысячам злодеяний прошлого. И вот тогда мы наконец отважимся применить «золотое правило»^[147] и к нашим государствам, как когда-то поступил буддийский правитель Ашока (262 г. до н. э.)^[148], или хотя бы уподобиться Октавиану Августу, отговорившему Тиберия от дальнейшего продвижения в германские земли (9 г. н. э.)^[149]. Почему бы не дать зарок, что мы никогда не допустим новой сотни Хиросим, скажем, в Китае, чего бы это нам ни стоило? «Великодушные в политике, — говорил Эдмунд Бёрк^[150], — нередко высшая мудрость; великая империя и ничтожный ум плохо ладят»^[151].

Вообразите, что в один прекрасный день американский президент обратится к лидерам Китая и России с такими словами:

«Если следовать опыту общечеловеческой истории, то мы должны пойти на вас войной, опасаясь, как бы ваше грядущее поколение не сделало того же раньше нас. А еще мы можем последовать мрачному примеру Священного союза 1815 г. и направить все наше богатство и лучшие силы на подавление любого возмущения против установленного порядка, где бы оно ни произошло. Мы же, напротив, желаем испробовать новый подход. Мы выражаем уважение вашим народам и вашим цивилизациям, многое давшим человечеству; мы будем стараться понять вас и ваши стремления установить собственный порядок по своему же усмотрению, не страшась нападения с вашей стороны; мы не допустим, чтобы наши взаимные опасения довели нас до войны, поскольку столь

смертоносного оружия, коим обладаем мы и обладаете вы, никогда доселе в истории не было. Мы предлагаем созвать совместную постоянную комиссию, которая бы пыталась прийти к соглашению по спорным вопросам, снизить уровень напряженности и сократить вооружение. Если где-то за пределами наших границ столкнутся наши интересы в борьбе за сердца людей, то мы готовы идти на открытые и честные выборы и принять решение большинства избирателей. Откроем же друг другу двери и начнем культурный обмен для скорейшего понимания друг друга. Мы не боимся, что ваша экономическая система поглотит нашу, а вы не бойтесь нашей; мы верим, что и той и другой есть чему поучиться друг у друга и обе системы вполне могут сосуществовать в мирных и партнерских взаимоотношениях. Мы уверены, что, сохраняя взаимный нейтралитет, обе наши страны могут заключить соглашения о ненападении и со множеством других стран, оформляя таким образом мировой порядок, при котором каждое государство сможет сохранить свой суверенитет, ограниченный лишь добровольными договоренностями с партнерами. Мы приглашаем вас вместе с нами к открытому неповиновению истории, дабы привнести в межгосударственные отношения понятия уважения и цивилизованной дискуссии. Перед всем человечеством мы клянемся свято чтить и исполнять настоящие договоренности. Если наша инициатива потерпит неудачу, то и этот результат не будет хуже того, что мы получим, придерживаясь традиционных политических методов; если же мы выстоим и

дело наше увенчается успехом, то слава наша распространится на долгие века и потомки не раз вспомнят нас благодарным словом».

Тут генерал уже не выдерживает и откровенно ухмыляется: «Я вижу, вы окончательно позабыли все уроки истории, а с ними и всю природу человеческую, которую совсем недавно так недурно описывали! Есть такие конфликты, причины которых столь фундаментальны, что разногласия не могут быть урегулированы путем переговоров, — а даже если такие длительные переговоры и начнутся (как мы, опять же, не раз наблюдали в истории), то параллельно с ними будет готовиться саботаж или переворот. Мировой порядок никогда не наступит в результате джентльменских соглашений; он будет насажден лишь в результате решительных побед, подобных тем, что позволили Риму, от Августа и до Марка Аврелия, диктовать свои законы всем покоренным народам. Подобные «интерлюдии» мира и порядка попросту неестественны, это исключение из общего правила. Такие периоды скоротечны: их всегда резко обрывает очередное перераспределение военных сил. Ведь вы сами выше говорили, что человек — соревнующееся животное, а его государства также под стать ему; что теперь естественный отбор осуществляется и на уровне международной политики. Признаем же, что государства станут вступать в союзы друг с другом лишь в том случае, если у них будет общий внешний враг. Быть может, чем-то подобным знаменуется грядущая эпоха более масштабного соревнования? Быть может, уже скоро нам предстоит контакт с некими разумными существами с иных планет или звезд? Тогда вступит в действие уже межпланетный естественный отбор. И вот тогда — лишь тогда! — мы станем здесь, на Земле, заодно».

Глава 12. О расцвете и упадке

Мы определили цивилизацию как «социальный порядок, способствующий созданию и развитию культуры»^[152]. Это порядок политический, оберегаемый традициями, моралью и законом, а также экономический, обеспеченный непрерывностью производства и обмена товаров; культура же создается и развивается благодаря свободному появлению новых возможностей, форм выражения, идей, манер, искусств и так далее. Это замысловатая и непрочная сеть человеческих отношений; плести ее — задача весьма трудоемкая, порвать же — проще простого.

Что же это такое, почему история доверху полна руинами цивилизаций, словно бы указывая нам, как в сонете «Озимандия» Шелли, что всему предначертаны смерть и забвение? Существуют ли здесь вообще какие-либо правила? Быть может, основываясь на опыте цивилизаций прошлого, нам удастся рассчитать длительность расцвета и время наступления упадка нашей цивилизации?

Некоторые яркие деятели культуры так и думали, рискуя порой даже в деталях предсказывать будущее. К примеру, Вергилий в «Буколиках» (эклога IV) объявляет, что настанет день, когда истощатся перемены во вселенной и, умышленно ли, случайно ли, мир вновь вступит на уже хоженую в далекой древности тропу, на которой свершится в точности тот же путь, что и прежде.

Явится новый Тифис^[153] и Арго, судно
героев
Избранных. Боле того: возникнут и
новые войны,

И на троянцев опять Ахилл будет послан великий [\[154\]](#).

Или, скажем, Ницше, которого свела с ума идея «вечного возвращения». Ничего нет более вздорного, чем подобные измышления, однако философы подчас грешили и не таким.

Да, порой история повторяет себя, хотя неясно и неуловимо. Можно, пожалуй, ожидать, что в будущем, как и в прошлом, некоторые народы испытают расцвет, другие же претерпят упадок. Некая новая цивилизация начнется с кочевничества, переходящего от оседлого земледелия к торговле и промышленности, венчаемой финансовым благополучием; мысль проделает путь (как утверждали Вико [\[155\]](#) и Конт [\[156\]](#)) от суеверий к мифам, а от них — к научному объяснению явлений. Новые теории, изобретения, открытия, эксперименты и ошибки будут наполнять полноводный поток просвещения. Новые поколения станут бунтовать против старых порядков, устанавливая свои и затем переходя от революции к реакции. Моральные устои пошатнутся под натиском перемен, прежние традиции окончательно исчезнут, погребя под собой своих носителей. Новое все глубже и глубже будет тонуть в скуке и равнодушии. И так далее.

Да, несомненно, история порой повторяет себя, потому что человеческая природа меняется столь же неторопливо, сколь природа, окружающая человека. Он чрезвычайно умело обучается стереотипным моделям реагирования на часто возникающие ситуации и возбудители вроде голода, опасности или секса. Впрочем, разнообразия в сложных и высокоразвитых цивилизациях, конечно, намного больше, чем в примитивных человеческих обществах: постоянно возникают новые ситуации и обстоятельства,

требующие нестандартного подхода и смены инстинктивных моделей реагирования. Устои и традиции остаются все дальше в прошлом; дорогу в будущее приходится искать при слабом свете разума, что определяет меньшую предсказуемость результата поиска. Теперь уже никакой уверенности в том, что будущее обязательно повторит прошлое, быть не может. Каждый новый год — новое приключение.

Некоторым мыслителям нравилось укладывать правила исторического развития в пышные и величественные парадигмы. К примеру, основатель французского социализма Клод-Анри де Рувруа, граф де Сен-Симон (1760–1825), делил прошлое и будущее на «органические» и «критические» периоды.

Этот закон <...> показывает, что обществу свойственны два разных, чередующихся друг с другом состояния: одно, называемое нами органическим, когда все факты человеческой деятельности классифицированы, предусмотрены и упорядочены общей теорией, когда цель общественной деятельности ясно определена, и другое, которое мы именуем критическим состоянием, когда прекратилась всякая общность мысли, всякое совместное действие, всякая координация, когда общество представляет собою лишь скопление обособленных, борющихся друг с другом индивидов.

Каждое из этих состояний занимало два периода истории. Одно — органическое — предшествовало той эре греков, которую именуют обычно философской эрой и которую мы более точно обозначим названием критической эпохи. Позже появляется новое учение, оно проходит через различные стадии

разработки и усовершенствования и устанавливает, наконец, свое политическое господство над всем Западом. С учреждением церкви начинается новая органическая эпоха, которая заканчивается в XV в., в тот момент, когда деятелями Реформации был дан первый сигнал к критике, продолжающейся до наших дней <...>

Органические эпохи являлись решениями этих [теологических, политических, экономических, этических] задач, по крайней мере — временными. Но скоро успехи, достигнутые при помощи этих решений, то есть под сенью социальных институтов, созданных в соответствии с ними, делали их самих недостаточными и требовали новых решений.

Тогда наступали критические эпохи, моменты споров, протеста, ожидания, перехода, и они наполняли промежуточный период сомнением, безразличным отношением к этим великим проблемам <...> В продолжение органических эпох люди заняты созиданием; в продолжение критических — разрушением^[157].

Сен-Симон верил, что с социализмом начнется новая устойчивая органическая эра — с общей верой, порядком, пронизанная братскими узами взаимопомощи. Если такой миропорядок удастся воплотить коммунизму, то можно будет сказать, что прогнозы Сен-Симона сбылись^[158].

Освальд Шпенглер (1880–1936) пошел еще дальше, разделив всю историю на разные цивилизационные эпохи, каждую с уникальной жизненной траекторией, состоящей из четырех сезонов, складывающихся в два основных периода развития: первый — центростремительный, собирающий все силы культуры

в уникальный гармоничный импульс, мощно выражающийся в первую очередь в искусстве; второй же — центробежный, диссоциирующий общий культурный процесс на ряд противоборствующих направлений, что в итоге оборачивается хаосом индивидуализма, скептицизма и застоем в сфере искусства. Если Сен-Симон с надеждой чаял социализм в качестве нового синтеза, то Шпенглер (подобно Талейрану^[159]) ностальгически возлагал надежды на возрождение аристократии, когда сама жизнь и мышление были последовательны и упорядочены, создавая собой и вокруг себя живое произведение искусства.

Таково различие западноевропейского существования до и после 1800 г., жизни, отмеченной избытком и самоочевидностью, возникшим изнутри и произросшим гештальтом, и притом в едином мощном разгоне, от детских дней готики вплоть до Гёте и Наполеона, и той поздней, искусственной, оторванной от корней жизни наших больших городов, формы которой проектируются интеллектом <...> Кто не понимает, что ничто уже не изменит этой развязки <...> тот должен отказаться от того, чтобы понимать историю <...>^[160].

Все, так или иначе, сходятся в одном: цивилизации берут начало, расцветают, угасают — а затем исчезают или же влачат жалкое существование, подобное стоячему водоему с затхлой водой, покинутому всеми некогда столь живительными течениями. Так в чем же причины развития и в чем могут быть причины упадка?

Вероятно, почти все, кто изучает историю, никогда всерьез не относились к настойчивым указаниям мыслителей XVII столетия на то, что государство

начинается с «общественного договора» между людьми, а также между ними и правителем. Наверное, большинство государств (то есть обществ, организованных единой политической властью) образовалось путем последовательных завоеваний одних групп другими и насаждением победителями своего порядка. Таким образом, указы завоевателей, наложившиеся на прежние традиции, и являли собой новый общественный порядок. Часто подспорьем государственности выступает также коллективное экономическое освоение природных богатств (например, рек в Египте или Азии). Нарастающие трения между правителем и подданными могут подстегнуть интеллектуальный и духовный рост. Дальнейшим его катализатором может стать что угодно, от иноземного завоевания до длительной засухи, что повлечет, соответственно, военное или техническое решение проблемы^[161].

Если посмотреть назад еще дальше, задаваясь вопросом, будет ли тот или иной вызов встречен достойным ответом или же нет, то обнаружим, что решающую роль сыграет наличие либо отсутствие инициативы, оригинальность ума, четкость представлений, упорство стремлений и энергия воли (что, пожалуй, можно считать примерным определением гения) в тех, кто сможет найти выход из сложившейся ситуации (что, пожалуй, можно считать примерным определением интеллектуального развития). Если же мы пожелаем узнать, откуда берется «оригинальность ума» и все прочее, значит, мы ошиблись кабинетом и из исторического нам следует пройти напрямик в психологический и биологический, чтобы изучить влияние среды и всевозможные перетасовки хромосом в геноме. Так или иначе, следует признать, что когда на вызов дается достойный ответ

(как, например, в Соединенных Штатах в 1917, 1933 и 1941 гг.), то, если это не истощает силы отвечавшего (как, скажем, у Англии в 1945 г.), развитие нации достигает невиданных высот, позволяя с еще большим рвением отвечать на грядущие вызовы.

Если таковы источники расцвета, то в чем причины упадка? Стоит ли присоединиться к Освальду Шпенглеру и прочим, считающим, что цивилизации, подобно живым организмам, наделены как природными, так и некими таинственными духовными силами и способны как к развитию, так и к гибели? Объяснение поведения групп только физическими и психологическими аналогиями весьма соблазнительно: упадок нравов и традиций можно приписать иссяканию некоего внутреннего источника жизни или какой-либо невозполнимой утрате, повлекшей за собой дальнейшее разложение. Такие аналогии, несомненно, могут служить для предварительных разъяснений, подобно сравнению некоего сообщества с группой клеток или денежного оборота с кровообращением. Но ведь группа — ни в коей мере не реальный организм: у нее нет собственного мозга, собственного живота и так далее. Она думает и ощущает посредством всех своих членов. Когда группа или целая цивилизация переживает упадок, это происходит не из-за какого-либо мистического недостатка энергии и подобных проявлений, но по причине того, что политическим или интеллектуальным лидерам группы либо цивилизации не удалось достойно ответить на вызов.

Вызовы могут прийти откуда угодно, как угодно, в каких угодно количествах, с любой интенсивностью и в сочетании с любыми другими уже действующими вызовами. Быть может, вовремя не случилось дождя, или оазис вдруг иссох, и земля осталась сухой и бесплодной; или, возможно, из-за неумелой обработки почва истощилась и отказывается давать всходы; а

может, правитель решил заменить свободных крестьян в поле на рабов, что пагубно сказалось на производительности труда, а также на уровне безработицы и голода в ближайшем городе; или же благодаря открытиям или завоеваниям образовались новые торговые пути, что привело к упадку центров цивилизации, зависевших от прежних путей, как, например, случилось с Пизой или Венецией в 1492 г. [\[162\]](#); налоги могут стать непомерно высокими, останавливая тем самым процессы инвестирования; местное производство или рынок может проиграть в конкурентной борьбе с иностранным; превышение импорта над экспортом может привести к снижению золотовалютных резервов страны; неравное распределение богатств или прав может ввергнуть общество в классовую или расовую войну; высокий уровень бедности в густонаселенном регионе может поставить его власти перед непростым выбором между ослаблением экономики через выплаты пособий или риском спровоцировать волнения и революцию...

Поскольку неравенство развивается в условиях растущей экономики, рано или поздно общество обнаружит себя рассеченным на культурное меньшинство и большинство, которому в силу условий рождения или жизни не посчастливилось выработать высоких духовных принципов и вкусов. Чем обширнее становится большинство, тем сильнее оно замедляет культурный рост меньшинства; последнее все более и более «варваризируется», перенимая стиль речи, манеру одеваться, способы проведения досуга и суждения большинства. Такова цена, которую меньшинство обязуется платить за экономические и образовательные возможности.

С развитием системы образования теология все дальше отступает на задний план, не оказывая

решающего влияния на поведение или чаяния людей. Представления людей и в целом их жизнь все более и более секуляризируются, отдаляясь от сверхъестественных объяснений и иррациональных страхов. Нравственность переживает упадок в силу утраты божественного надзора и раскрытия ее человеческого происхождения. Древнегреческие философы искоренили суеверия среди образованных граждан; многие философы Нового времени добились схожих результатов. Протагор перевоплотился в Вольтера, Диоген — в Руссо, Демокрит — в Гоббса, Платон — в Канта, Фрасимах — в Ницше, Аристотель — в Спенсера, а Эпикур — в Дидро. Как в Античности, так и в Новое время аналитическая мысль установила предел религии, пошатнув покоившиеся на ней нравственные устои. Появлялись новые религии, не имевшие отношения к правящему классу и не несшие государству никакой пользы. Вслед за триумфом разума над мифологией последовал век сурового скептицизма и равнодушного эпикурейства, продолжавшийся вплоть до появления христианства; схожие процессы мы можем наблюдать и сегодня, в первом веке *после* христианства^[163].

Затерянное меж крушением старых и обретением новых ориентиров поколение легко предает себя во власть всевозможных пороков; лишь считанные единицы сохраняют крупницы былых традиций. Мало кто сегодня мог бы заявить, что «умереть за отечество — отрадно и почетно»^[164]. Неудачи лидеров отзовутся ослаблением государства и новым витком внутренних противостояний. В конце концов сокрушительное поражение цивилизации нанесет очередное нашествие иноземных варваров вкупе с захлестнувшими ее потоками варварства внутреннего.

Неутешительная картина? Не совсем. Жизнь как индивида, так и группы не имеет неотъемлемо присущего ей притязания на вечность. Смерть столь же естественна, как и жизнь; приходя в урочное время, она вполне простительна и даже полезна, а развитое сознание ни в коей мере не будет потревожено ее приходом. Умирают ли цивилизации? Опять же — не совсем. Разве греческая цивилизация мертва? Она столь глубоко и крепко вжилась в народную память, что никогда уже оттуда не исчезнет, и столь грандиозна, что никто не сможет полностью постичь ее, как бы ни пытался. Судите сами: количество читателей Гомера в наши дни в разы превышает читавших его при жизни; тома собраний греческих поэтов и философов есть в каждой библиотеке мира; а ровно в эту самую минуту сотни тысяч ученых «вкушают рассуждения» [\[165\]](#) Платона. Такое выживание «избраннейших» умов (то есть естественно *отобранных*) и является самым что ни на есть реальным и полезным видом бессмертия.

Народы же умирают. Когда река иссыхает или почва не плодоносит, человек не впадает в уныние, а забирает с собой свое искусство, ремесло и память и уходит искать новое место. Если благодаря образованию его память достаточно вместительна, то вместе с ним мигрирует и вся цивилизация, чтобы обрести новый дом. На новой земле, в новом доме этот человек не начинает все заново и не остается в одиночестве, ведь дороги и средства связи, подобно плаценте, связывают его с родиной. Римляне переняли греческую культуру, принеся ее в Западную Европу; Америка была возвращена на молоке европейской культуры и ныне готовится передавать ее далее.

Цивилизации — своего рода поколения той или иной душевной расы [\[166\]](#). Как жизнь одерживает верх над смертью, рождая новую жизнь, так и состарившаяся

культура оставляет наследство своим потомкам через годы и моря. В эту самую минуту при помощи всевозможных торговых, печатных, проводных и беспроводных, видимых и невидимых инструментов народы и цивилизации все плотнее связываются друг с другом, охраняя и ценя вклад каждого в общечеловеческое наследие.

Глава 13. Возможен ли прогресс?

[\[167\]](#)

При взгляде на подобную чехарду народов, их нравственных устоев, взлетов и падений их религиозности, сама идея прогресса начинает казаться довольно спорной. Быть может, прогресс — не что иное, как проявление гордыни, традиционного бахвальства «прогрессивного» поколения? Поскольку мы не обнаружили сущностных изменений в человеческой природе на протяжении исторического времени, приходится признать, что все технологические успехи являются лишь новыми способами достижения стародавних целей: накопления товаров, привлечения внимания противоположного пола (а порой — того же самого), триумфа над соперником, победы в сражениях и так далее. Одним из наиболее обескураживающих, приводящих даже в некоторое уныние открытий нашего века (полного, надо заметить, подобных разочарований) выступает факт научного нейтралитета: с не меньшей радостью, с которой бы наука исцеляла, она будет и убивать нас; с не меньшей (а подчас — даже большей) готовностью созидать она примется за разрушение. Гордое воззвание Фрэнсиса Бэкона «Знание — сила!» в наше время звучит в чем-то даже странно. Порой и вовсе кажется, что Средние века и Ренессанс с их подчеркнутым вниманием к мифологии и искусству и довольно небрежным отношением к научному знанию были много мудрее нас, постоянно наращивающих технический потенциал и почти позабывших о целях, которые мы надеемся с его помощью достигнуть.

В бочке меда нашего научно-технического прогресса найдется изрядная ложка дегтя: комфортные условия пагубно повлияли как на нашу физическую выносливость, так и на нравственные устои. Нам удалось поразительным образом усовершенствовать средства передвижения; однако случается, что их используют как орудие для преступлений и убийств. Мы научились передвигаться вдвое, втрое, стократ быстрее, чем прежде, но живем с расшатанными нервами и, пролетая тысячу километров в час, остаемся теми же «приматами в брюках», как и тогда, когда умели просто ходить на двух ногах. Мы готовы аплодировать стоя новым чудодейственным лекарствам и прочим достижениям современной медицины, если они причиняют нам хотя бы немного меньше вреда, чем болезнь, для излечения от которой их применили. Мы горячо благодарны всем химикам и фармацевтам, ежедневно продолжающим изнурительную гонку на выживание с устойчивостью вирусов и развитием болезней. Мы от всего сердца рады даруемым современной медициной лишним годам жизни, если только они не сулят тягостное болезненное существование. Мы многократно расширили горизонты познания, мы передаем и узнаем новости со всей планеты, но порой проникаемся искренней завистью к нашим предкам, чей прочный мир лишь изредка тревожили новости о жизни их деревни. Нам удалось значительно повысить уровень жизни среднего класса, бок о бок с которым располагаются гетто и трущобы.

Мы радуемся избавлению от «теологического ига», но удалось ли нам выработать новую этику, независимую от религии, которая была бы достаточно сильна, чтобы обуздать наши алчные, воинственные и похотливые инстинкты? Действительно ли мы переросли нетерпимость или же она лишь преобразовалась из религиозной розни в национальную,

идеологическую или расовую? А как насчет наших манер, стали ли они лучше, чем прежде? «Манеры людей, — писал в XIX столетии некий путешественник, — видимо ухудшаются по мере того, как вы направляетесь с Востока на Запад: азиаты воспитаны дурно, европейцы — не очень славно; для описания же скверности американского воспитания трудно подобрать подходящие слова»^[168]. В наше же время и Восток взял за правило подражать Западу. Быть может, наша законодательная система чересчур заботится о преступнике вопреки интересам общества и государства? Или, возможно, мы предоставили себе чрезмерное количество свобод, с обилием которых наш разум не в состоянии справиться? Неужели мы снова приближаемся к тому порогу социально-нравственной неустроенности, когда перепуганные родители вернутся в лоно церкви в надежде, что она привьет их детям строгую дисциплину, пусть и ценой интеллектуальной свободы? Неужели вся философская мысль со времен Декарта пошла ошибочным путем, поскольку не смогла разглядеть важность мифа для утешения и укрепления человека? «Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»^[169].

Так продвинулась ли вообще философская мысль хоть на сколько-нибудь со времен Конфуция? А литература со времен Эсхила? Уверены ли мы, что современная музыка с ее сложными формами и мощным оркестровым исполнением глубже месс и мадригалов Палестрины^[170] или более гармонична и проникновенна, чем монодические напевы средневековых арабских музыкантов? (Эдвард Лэйн^[171] писал о каирских музыкантах: «Своим искусством они совершенно покорили меня <...> Их исполнение показалось мне прекраснее всего, что я когда-либо

слышал»^[172].) Сравнится ли наша нынешняя архитектура, невероятно смелая и оригинальная, с храмами Древнего Египта или Древней Греции? Или наши скульптуры — сравнятся ли они со статуями фараона Хефрена или Гермеса? Нынешние барельефы — с рельефами Персеполя или Парфенона? Современные картины — с полотнами ван Эйка или Гольбейна? Коль скоро «основой искусства и цивилизации является устроение порядка взамен хаоса»^[173], то спросим себя: не является ли нынешняя живопись обратной заменой порядка на хаос и, соответственно, ярчайшим символом культурного упадка и цивилизационной растерянности всего человечества?

История столь безрассудно богата на всевозможные случаи, что практически под каждый вывод можно подобрать подходящий пример. Чем более мы предвзяты в своих рассуждениях, тем более утешительными будут наши умозаключения. Сперва, однако, стоит определиться, что есть прогресс. Если допустить, что он связан с уровнем счастья людей, то дело будет проиграно чуть ли не сразу же. Наша склонность к душевному неравновесию не знает пределов; какие бы трудности мы ни преодолели, какие бы великие идеалы ни реализовали, мы всегда с легкостью найдем причину для глубокой тоски и печали. Есть, пожалуй, какое-то потаенное удовольствие в том, чтобы последовательно искать и находить подтверждения скверности человечества и всей вселенной. Потому довольно глупо брать за основу уровень счастья, ибо тогда любой ребенок опередит взрослого или мудреца, сколь бы учеными те ни были, потому что ребенок всегда счастливее. Возможно ли более объективное определение прогресса? Здесь мы полагаем, что возрастающий контроль над окружающей

действительностью и есть прогресс. Пожалуй, такое толкование подойдет как для простейших организмов, так и для человека.

Мы не должны требовать, чтобы прогресс происходил постоянно и тем более вечно. Очевидно, наступают периоды упадка и регресса, случаются неудачи, порой мы чувствуем себя истощенными или нас охватывает апатия, препятствующая дальнейшему развитию. В прочих случаях, если наблюдается более высокая контролируемость окружающего мира, то прогресс имеет место. В разные исторические эпохи одно государство становилось прогрессивным, в то время как другое переживало упадок (как в наши дни быстрыми темпами развивается Россия, а Англия теряет былые позиции). Одно и то же государство может быть прогрессивным в одной области и терпеть неудачу за неудачей в другой (подобно американскому технологическому развитию против упадка в живописи). Можно даже вывести примерную статистику одаренности молодежи в «молодых» странах вроде Америки и Австралии: юноши и девушки более склонны к практической, научной, изобретательской, управленческой деятельности, чем к скульптуре, живописи, резьбе по дереву или стихосложению. Таким образом, становится понятно, что в разных условиях и периодах ценятся и обнаруживаются в людях совершенно разные таланты и способности, призванные держать под контролем окружающий мир. Не стоит подходить к конкретному объекту (определенного исторического периода и региона) с оценкой «лучшее из того, что когда-либо было создано». Главным критерием прогресса всегда служит благосостояние самых обычных людей, их все возрастающие возможности взять под контроль условия собственного существования.

Если сравнивать нынешнее наше существование с его нестабильностью, хаосом и преступностью и первобытных людей с их невежеством и суевериями, насилием и болезнями, то, пожалуй, совсем отчаиваться не стоит. Самые низкие группы в цивилизованных странах, быть может, не столь далеко ушли от варваров, однако тысячи и миллионы людей продвинулись в своем развитии — как ментальном, так и нравственном — далеко вперед. Конечно, живя в городах, мы время от времени любим помечтать о возвращении к простоте первобытной жизни, однако же в менее романтические минуты ясно осознаем, что подобное возвеличивание дикарей — лишь незрелая реакция на события, с которыми мы по тем или иным причинам не в состоянии адекватно и разумно совладать. Словом, повстречай вы этот идеал «дружелюбной дикарской простоты», можно было бы с удовольствием прогуляться с ним, если бы не его каменный топор, вши и грязь. Научные исследования примитивных племен указывают также на высокий уровень детской смертности, малую продолжительность жизни, меньшую выносливость и крайне высокую восприимчивость к заболеваниям^[174]. Так что если продолжительность жизни свидетельствует о более высокой управляемости средой, то статистика смертности по разным местностям и эпохам однозначно свидетельствует о том, что продолжительность жизни белого населения Европы и Америки за последние три столетия утроилась. Некоторое время назад поставщики ритуальных услуг всерьез опасались, что их бизнесу скоро придет конец, поскольку люди все позже (а значит — реже) отправляются к даме с косой^[175]. Уж если могильщики в печали, значит, прогресс идет полным ходом!

В споре древности и современности триумф прошлого вовсе не столь очевиден. Разве победа над голодом не стала поистине огромным достижением? Ведь сейчас одна развитая страна может произвести столько продовольствия, чтобы не только с лихвой прокормить себя, но и направить сотни миллионов бушелей зерна нуждающимся. Разве можно отмахнуться от научных достижений, окончательно поборовших суеверия, обскурантизм и религиозную нетерпимость? Или от технологического прорыва, благодаря которому достигнуто невиданное до сих пор изобилие продуктов, владение домом, обеспечение уюта, доступ к образованию и развлечениям? Неужели нам больше по нраву афинская агора^[176] или римские комиции^[177], чем британский парламент или Конгресс США? Действительно ли мы предпочли бы жить по афинским или римским законам, нежели по современной конституции, гарантирующей суд присяжных, религиозные и интеллектуальные свободы, эмансипацию женщин и так далее? Настолько ли ниже наши нравственные принципы в сравнении, скажем, с бисексуальным Алкивиадом? Или, может, какой-либо из американских президентов уподобился Периклу, сожительствовавшему с гетерой? Стоит ли стыдиться огромных университетов, издательских домов и наполненных книгами библиотек? Да, древнегреческий театр велик, но выше ли он шекспировских пьес? Были ли комедии Аристофана столь же глубоки, изящны и гуманны, как комедии Мольера? Были ли речи Демосфена, Исократы и Эсхина искуснее и умнее выступлений Чатэма, Бёрка и Шеридана? Неужели мы поместим Гиббона ниже Геродота или Фукидида? Было ли в древней прозе что-либо сравнимое по глубине и грандиозности с романистикой Нового времени? Мы, конечно, можем признать превосходство древних в

искусстве, хотя кое-кому Нотр-Дам нравится больше, чем Парфенон. Но вернись сегодня отцы-основатели в Америку, Фокс и Бентам — в Англию, а Вольтер с Дидро — во Францию, разве не упрекнули бы они нас в неблагодарности и слепоте по отношению к своей великой удаче, что мы живем именно сегодня, а не вчера (не говоря уж о временах Перикла или Августа)?

То, что наша цивилизация, как и все другие, рано или поздно умрет, не должно нас слишком тревожить. Как говорил Фридрих своим отступающим войскам при Колине, «вы что, надеетесь жить вечно?» Пожалуй, для жизни предпочтительнее периодическое обновление своих форм, в том числе появление новых центров цивилизации взамен старых. К тому же, глядя на то, как Восток набирает силу, второе дыхание может обрести и Запад.

Мы уже говорили выше, что великие цивилизации не умирают целиком — *non omnis moritur*. Некоторые достижения пережили все тяготы и невзгоды, взлеты и падения государств и цивилизаций, например открытие огня, изобретение колеса, язык, письменность, живопись, пение, земледелие, семья и родительская забота, социальная организация, нравственность, милосердие, обучение и передача семейных и групповых традиций. Все это — элементы цивилизации, которые, появляясь постепенно, бережно хранились, улучшались и передавались от одной цивилизации к другой, соединительная ткань, образующая живую плоть истории человечества.

Если понимать под цивилизационной преемственностью распространение образования, то прогресс, несомненно, идет. Нормы цивилизованной жизни не наследуются, им можно лишь обучиться; каждому новому поколению приходится усваивать и заслуживать их. Однако же если преемственность

прервется, скажем, на столетие, то цивилизация погибнет, а мы вновь обратимся в дикарей. Таким образом, главнейшей нашей нынешней заслугой являются беспрецедентное увеличение расходов на доступное и качественное образование. Еще недавно колледжи считались роскошью и предназначались только для мужской половины «праздного класса»; сегодня же существует такое количество университетов, что любой, кто усердно учится, может стать доктором наук. И пусть мы не превзошли избранных гениев древности, зато достигли ранее не виданного в истории уровня распространения знаний и доступности образования.

Пожалуй, разве что малые дети будут сетовать на наших учителей, не успевших искоренить все тысячелетние ошибки и предрассудки. Ведь глобальный эксперимент едва начался и еще может быть свернут плодовитостью невежества. Но уже сейчас можно задуматься о его последствиях. Что произойдет, когда каждый ребенок обретет возможность получать образование вплоть до двадцати лет и поступить в университет, свободно посещать библиотеки и музеи, хранящие бесчисленные сокровища мудрости и шедевры искусства? Мы должны рассматривать образование не как каторжное зазубривание фактов и дат или подготовку к «взрослой жизни», а как передачу умственного, морального, технического и эстетического наследия в столь полном объеме, в каком только возможно, и как можно большему числу людей. Тогда они смогут понимать, контролировать, облагораживать свою жизнь и наслаждаться ею.

Наследие, которое мы можем передать потомкам, сегодня обширно, как никогда ранее: богаче того, которое получил Перикл, поскольку оно включает всю греческую культуру после него; богаче наследия Леонардо, ведь оно вобрало все итальянское

Возрождение; богаче вольтеровского, ибо охватывает все французское Просвещение и его экуменическое распространение. Прогресс существует (несмотря на нашу склонность причитать о его отсутствии) не потому, что нынче дети рождаются более здоровыми, крепкими или умными, — главное в том, что они наследуют намного более богатую цивилизацию, чем дети прошлого. Чем обширнее наследуемое, тем выше тот цивилизационный пьедестал, на который восходит наследник. Наследие растёт, и пропорционально растёт человек, который его получает.

История — это прежде всего создание и фиксация наследия цивилизации. Прогресс же — это его применение, преумножение, сохранение и передача потомкам. Тем, кто изучает историю не с целью получить зловещие предостережения о человеческих заблуждениях и чудовищных преступлениях, но скорее для вдохновляющего напоминания о возвышенных способностях, скрытых в человеке, прошлое перестаёт казаться эдакой комнатой ужасов или камерой пыток. Оно превращается в небесный город, бескрайнюю страну разума, населённую тысячами святых, государственных деятелей, изобретателей, ученых, поэтов, художников, музыкантов, влюбленных и философов, бесконечно учащих, разговаривающих, ваяющих скульптуры, поющих и рисующих. Историк никогда не станет сетовать на отсутствие в жизни иного смысла, нежели вложенного в нее самим человеком. Почему бы нам не гордиться тем, что мы вольны самостоятельно наделять нашу жизнь смыслом, который подчас перебарывает даже смерть? Если повезет, то человек, прежде чем умереть, в избытке накопит цивилизационных навыков и умений и передаст их своим детям. До последнего вздоха он будет благодарен за сей неиссякаемый дар, зная, что в нем — материнская, вечно рождающая сила жизни.

Библиография

- Aristotle*. Politics. Everyman's Library.
- Bagehot W.* Physics and Politics. Boston, 1956.
- Carter T.E.* The Invention of Printing in China and Its Spread Westward. N.Y., 1925.
- Coxe W.* History of the House of Austria. Vol. I-III. London, 1847.
- Durant W.* The Mansions of Philosophy. N.Y., 1929.
- Durant W., Durant A.* The Story of Civilization:
Vol. I. Our Oriental Heritage. N.Y., 1935.
Vol. II. The Life of Greece. N.Y., 1939.
Vol. III. Caesar and Christ. N.Y., 1944.
Vol. IV. The Age of Faith. N.Y., 1950.
Vol. V. The Renaissance. N.Y., 1953.
Vol. VI. The Reformation. N.Y., 1957.
Vol. VII. The Age of Reason Begins. N.Y., 1961.
Vol. VIII. The Age of Louis XIV. N.Y., 1963.
Vol. IX. The Age of Voltaire. N.Y., 1965.
Vol. X. Rousseau and Revolution. N.Y., 1967.
- Encyclopaedia Britannica, 1966 edition.
- Gibbon E.* The Decline and Fall of the Roman Empire / Ed. by H.H. Milman. Vol. I-VI. N.Y.: Nottingham Society.
- Gobineau J.A. de.* The Inequality of Human Races. London, 1915.
- Gomme A.W.* The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Oxford, 1933.
- Gowen H.H., Hall J.* Outline History of China. N.Y., 1927.
- Granet M.* Chinese Civilization. N.Y., 1930.
- Isocrates.* Works. Loeb Library.
- Kautsky K.* Communism in Central Europe in the Time of the Reformation. London, 1897.
- Lane E.* Manners and Customs of the Modern Egyptians. Vol. I-II. London, 1846.

Lemaitre J. Jean Jacques Rousseau. N.Y., 1907.
Marc Aurele. Paris: Calman-Levy, n.d.
Pascal B. Pensées. Everyman's Library.
Paul-Louis. Ancient Rome at Work. London, 1927.
Plato. Dialogues, tr. Jowett. Vol. I-IV. N.Y.: Jefferson Press,
n.d.
Plutarch. Lives. Vol. I-III. Everyman's Library.
Renan E. The Apostles. London: Methuen, n.d.
Sédillot R. L'Histoire n'a pas de sens. Paris, 1965.
Seebohm F. The Age of Johnson. London, 1899.
Siegfried A. America Comes of Age. N.Y., 1927.
Spengler O. The Decline of the West. Vol. I-II. N.Y., 1927.
Thucydides. History of the Peloponnesian War.
Everyman's Library.
Todd A.J. Theories of Social Progress. N.Y., 1934.
Toynbee A.J. A Study of History. Vol. I-X. London, 1934.

Об авторах

Уилл и Ариэль Дюрант на протяжении пятидесяти лет писали свою знаменитую «Историю цивилизации». В 1968 г. они получили за эту работу Пулитцеровскую премию, а в 1977 г. им была вручена Президентская медаль свободы. Ярые поборники прав человека и общества, Уилл и Ариэль своими работами продолжают просвещать людей и по сей день. Более подробную информацию можно найти на сайте www.willdurant.com.

МИФ Научпоп

Весь научпоп на одной странице: mif.to/science

Узнавай первым о новых книгах, скидках и подарках
из нашей рассылки mif.to/sci-letter

[#mifnauka](https://mifnauka)

[#mifnauka](https://mifnauka)

[#mifnauka](https://mifnauka)

[#mifnauka](https://mifnauka)

Над книгой работали

Руководитель редакции *Артем Степанов*
Шеф-редактор *Ренат Шагабутдинов*
Ответственный редактор *Анна Красова*
Литературный редактор *Ольга Мельникова*
Арт-директор *Алексей Богомолов*
Дизайн обложки *Алексей Галкин*
Верстка *Вячеслав Лукьяненко*
Корректоры *Наталья Витько, Юлия Молокова*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

mann-ivanov-ferber.ru

Электронная версия книги подготовлена компанией
Webkniga.ru, 2020

notes

Примечания

Одиннадцатый том The Age of Napoleon увидел свет в 1975 г., уже после публикации «Уроков истории». *Прим. ред.*

Шекспир У. Ричард II. Акт 3, сцена 2. Прим. пер.

Sédillot R. L'Histoire n'a pas de sens. Paris, 1965.

Слова Фонтенеля об истории, цитировавшиеся также Гельвецием, Вольтером и Наполеоном — последним, правда, без указания на источник, — принесшие им всемирную славу. *Прим. пер.*

Durant W. Our Oriental Heritage (The Story of Civilization, Vol. 1). N.Y., 1935.

Durant W. The Age of Faith (The Story of Civilization, Vol. 4). N.Y., 1950. P. 979.

Шарль Пеги (1873–1914) — крупнейший французский христианский публицист, поэт и мистик, чьи произведения пропитаны духом католицизма и французского национализма. Хотя русскоязычному читателю это имя мало знакомо, его высоко ценил русский религиозный философ Семен Франк, ставя в один ряд с Блезом Паскалем, Сёренем Кьеркегором и Фридрихом Ницше. С 1916 по 1955 г. во Франции были изданы 20 томов собрания сочинений Шарля Пеги.
Прим. ред.

Sédillot R. L'Histoire n'a pas de sens. Paris, 1965. P. 167.

Не переведенный на русский язык гимн Уильяма Купера «И свет во тьме светит» (Light Shining out of Darkness), 1773. *Прим. пер.*

В оригинале использован термин «историография». В настоящее время под этим термином понимают 1) вспомогательную историческую дисциплину, изучающую историю исторической науки и эволюцию исторической мысли, а также 2) изучение исторической литературы по определенному вопросу или периоду. Здесь, скорее всего, речь идет о прямом толковании термина, в духе Нового времени, когда «историограф» был буквально «пишущим (или описывающим) истории (об исторических событиях)». В этом контексте историографию следует понимать как синоним исторического произведения или исторической литературы в целом. *Прим. пер.*

Durant W. The Reformation. A History of European Civilization from Wycliffe to Calvin, 1300-1564 (The Story of Civilization, Vol. 6). N.Y., 1957.

Речь идет о фальсифицируемости — одном из критериев научности, сформулированном Карлом Поппером в 1935 г. в труде «Логика и рост научного знания». Согласно ему, научная теория не может быть непроверяемой, она должна иметь возможность быть опровергнутой. То есть все ее постулаты можно подвергнуть сомнению, под каждый привести опровержение (эмпирическое и/или теоретическое) и таким образом проверить их: либо подтвердить, либо опровергнуть. Принципиально непроверяемая теория не может считаться научной. *Прим. ред.*

Durant W. The Age of Reason Begins (The Story of Civilization, Vol. 7). N.Y., 1961. P. 267.

Сквозная отсылка к монологу Макбета из одноименной пьесы Шекспира (акт V, сцена 5). «Жизнь <...> — повесть, рассказанная дураком» (перевод М. Лозинского), «сказка» (перевод Б. Пастернака), перекликающаяся по смыслу с процитированными выше словами Фонтенеля. *Прим. пер.*

Pascal. Pensées. No. 347. Цит. по: Паскаль Б. Мысли. Малые сочинения. Письма. М., 2003. С. 112.

Французский философ Шарль Луи де Монтескьё (1689–1755) и английский историк, «отец научной истории» Генри Томас Бокль (1821–1862) были сторонниками географической школы, то есть полагали, что развитие цивилизации определяется прежде всего географическими условиями и средой обитания. *Прим. ред.*

Plato. Phaedo. No. 109. (Платон. Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. Федон, 109b (как слова Сократа).)

Жан Кальвин (1509–1564) — французский богослов, основатель кальвинизма. Кальвин полагал, что не человек решает, принять дар благодати или противиться ему: это определяет бог. Одним людям он изначально уготовил спасение, другим — гибель, независимо от их воли, мировоззрения и образа жизни.

Прим. ред.

Laissez-faire — «позвольте-делать» (*фр.*); принцип невмешательства государства в экономическую политику. *Прим. пер.*

Томас Мальтус (1766–1834) — британский священник, политэконом и автор одной из первых демографических теорий, так называемой теории мальтузианской ловушки. Наблюдая результаты промышленной революции в Англии и растущий уровень жизни, а также всё усиливающееся неравенство, он пришел к выводу, что количество людей растет быстрее, чем увеличиваются ресурсы. Более того, население будет продолжать расти, и этот процесс невозможно никак контролировать. В итоге это приведет к полному уничтожению ресурсов, после чего регуляторами численности населения и инструментами контроля рождаемости станут война, голод и болезни (эпидемии). *Прим. ред.*

Бушель — английская единица объема для сыпучих продуктов. 1 бушель соответствует 3 ведрам. *Прим. ред.*

Durant W. Caesar and Christ. A History of Roman Civilization and of Christianity from Their Beginnings to A.D. 325 (The Story of Civilization, Vol. 3). N.Y., 1944. P. 193, 223, 666.

К концу VII в. арабы захватили огромные пространства в Северной Африке и вплотную подошли к границам Пиренейского полуострова; всего за несколько лет, в самом начале VIII в., они покорили его почти весь. Войско франков во главе с Карлом Мартеллом разбило силы арабского халифата при Пуатье в 732 году, не позволив арабам развить дальнейшее наступление. В историографии это сражение много столетий трактовалось как залог сохранения христианства и спасение Европы от исламизации, особенно на фоне 700-летней реконкисты (христианской Испании потребовалось семь веков, чтобы восстановить свою власть над Пиренейским полуостровом). *Прим. ред.*

В этой главе авторы излагают имевшие место ненаучные суждения о превосходстве одних рас и национальностей над другими. Эти теории ошибочны, авторы не разделяют эти концепции и приводят их с целью показать несостоятельность и опасность для человечества. Также следует добавить, что Уилл Дюрант участвовал в разработке Декларации взаимозависимости, которая была зарегистрирована в качестве официального документа Конгресса США и содержит, помимо прочего, следующие постулаты:

- различия расы, цвета кожи и религии естественны, и разнообразные группы, общественные институты и идеи являются стимулирующим фактором в развитии Человека;

- согласно свидетельству Истории, нетерпимость есть дверь к насилию, жестокости и диктатуре, и реализация человеческой взаимозависимости и солидарности есть лучшая защита Цивилизации. *Прим. ред.*

В апреле 2019 года численность населения Земли достигла 7,7 млрд человек, из которых в Африке проживало свыше 1,1 млрд человек, в Азии — более 4,4 млрд, в Европе — 750 млн, в Латинской Америке — свыше 600 млн, в Северной Америке — свыше 360 млн. По данным на июль 2018 года в Китае проживало 1,4 млрд, в Индии — 1,35 млрд, в США — 330 млн, в Индонезии — 265 млн, в Пакистане — 213 млн. Это пять стран с самым большим населением.
Прим. ред.

Жозеф Артюр де Гобино (1816–1882) — французский писатель-романист, социолог, автор арийской расовой теории, впоследствии взятой на вооружение национал-социалистами. *Прим. ред.*

Gobineau J.A. The Inequality of Human Races. London, 1915. XV, 210. (*Гобино Ж.А. де.* Опыт о неравенстве человеческих рас. М.: Одиссей; Олма-Пресс, 2001.)

Gobineau J.A. The Inequality of Human Races.
London, 1915. XV, 211.

Gobineau J.A. The Inequality of Human Races.
London, 1915. XV, 36-37.

Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855–1927) — немецкий писатель и философ британского происхождения. Его двухтомное издание «Основания XIX столетия» (1899), обосновывавшее превосходство арийской расы, утверждавшее положительное влияние тевтонцев и отрицательное влияние евреев на европейскую цивилизацию, оказало существенное влияние на пангерманское националистическое и расистское движение фёлькише в начале XX в., а также послужило одним из оправданий антисемитизма расовой политики нацистов. Чемберлена называли Иоанном Крестителем Гитлера, он считается одним из основоположников расизма. *Прим. пер.*

Todd A.J. Theories of Social Progress. N.Y., 1934. P. 276;
Чемберлен Х.С. Основания XIX столетия. СПб.: Русский
Миръ, 2012.

Генрих фон Трейчке (1834–1896) — немецкий историк, профессор и университетский преподаватель. В своих работах утверждал идею сильной единой Германии, был идеологом «прусского духа» и ярым поклонником Бисмарка, первого канцлера Германской империи (объединенной Германии). Получил известность также как противник либерализма (хотя изначально стоял на либеральных позициях) и апологет немецкого национализма. Его работы во многом определили доктрину национал-социализма, особенно по расовому вопросу. *Прим. ред.*

Фридрих фон Бернгарди (1849–1930) — генерал германской армии, публицист и историк. Он полагал, что Германия, благодаря своей непревзойденной культуре, способна стать хозяйкой мира, потеснив Англию, и повторить британский колониальный опыт в Восточной Европе. С его точки зрения, Германии были необходимы новые территории, а военная экспансия рассматривалась как проявление жизненной силы нации и инвестиции в ее будущее (потребности нации сами по себе являлись достаточным оправданием любой агрессии). Эту концепцию «жизненного пространства» нацисты сделали одной из ключевых в своей доктрине.
Прим. ред.

Книга, написанная Альфредом Розенбергом, одним из идеологов нацистской партии, ставшая вторым после «Майн кампф» Гитлера идеологическим бестселлером в Германии. *Прим. пер.*

Εἰλωται — раб, крепостной (*др. — греч.*). *Прим. пер.*

Люси Семплис Камиль Бенуа Демулен (1760–1794) — французский адвокат, журналист и революционер. Инициатор похода на Бастилию 14 июля 1789 года, положившего начало Великой французской революции.
Прим. ред.

Хлодвиг (481/482–511) — основатель Франкского королевства, завоеватель, даровавший франкам первый свод законов (Салическую правду). Самое известное и популярное имя французских королей (Людовик) — латинизированный вариант имени Хлодвиг. Карл I Великий нарек этим именем одного из сыновей, чтобы подчеркнуть преемственность своей династии и династии Меровингов (сын Людовик I Благочестивый унаследовал Франкское королевство). Последующие династии (Капетинги, Валуа и Бурбоны) также часто называли этим именем сыновей. *Прим. ред.*

Карл I Великий (742/747-814) — король франков, основатель династии Каролингов, завоеватель, прозванный при жизни Великим, получивший из рук папы римского императорскую корону и ставший императором Запада (800 год). *Прим. ред.*

Темные века — термин, охватывающий европейскую историю с VI до X в. Традиционно относится к периоду ранних Средних веков и описывает продолжительный упадок Западной Европы после падения Римской империи. Противопоставлять свет Античности и тьму Средних веков впервые предложил Петрарка в 1330-х гг. В настоящее время термин считается неточным.
Прим. ред.

См. *Durant W.* Our Oriental Heritage (The Story of Civilization, Vol. 1). N.Y., 1935. P. 934–938.

Начало золотой лихорадки в Америке. *Прим. пер.*

Английский историк и философ Томас Карлейль описывал в своих работах «культ героев», согласно которому история представляет собой биографию великих людей, а все существующее в мире — воплощение их идей. *Прим. пер.*

См. *Плутарх*. Алкивиад, 18–19.

См. *Платон*. Государство. I, 338.

Durant W. Caesar and Christ. A History of Roman Civilization and of Christianity from Their Beginnings to A.D. 325 (The Story of Civilization, Vol. 3). N.Y., 1944. P. 211.

Лудовико Ариосто (1474–1533) — итальянский поэт и драматург эпохи Возрождения. *Прим. ред.*

Пьетро Аретино (1492–1556) — итальянский сатирик, публицист и драматург. Остроумный и язвительный Аретино сочинял ядовитые памфлеты на светских государей и высокопоставленных церковных деятелей. Многие из них, стремясь задобрить его, отправляли ему ценные подарки и деньги, назначали пенсии и оказывали иные услуги. «Бич государей» вел роскошную жизнь, проводя дни в своем дворце на Гранд Канале (в Венеции), окруженный учениками, приспешниками, любовницами и любовниками. *Прим. ред.*

Durant W. The Renaissance (The Story of Civilization, Vol. 5). N.Y., 1953. P. 576.

Durant W. Our Oriental Heritage (The Story of Civilization, Vol. 1). N.Y., 1935. P. 275.

Durant W. The Reformation. A History of European Civilization from Wycliffe to Calvin, 1300–1564 (The Story of Civilization, Vol. 6). N.Y., 1957. P. 761.

Durant W. The Age of Reason Begins (The Story of Civilization, Vol. 7). N.Y., 1961. P. 394.

Durant W. The Age of Voltaire (The Story of Civilization, Vol. 9). N.Y., 1965. P. 64.

Durant W. Our Oriental Heritage (The Story of Civilization, Vol. 1). N.Y., 1935. P. 265.

Durant W. The Reformation. A History of European Civilization from Wycliffe to Calvin, 1300–1564 (The Story of Civilization, Vol. 6). N.Y., 1957. P. 763.

Durant W. The Age of Voltaire (The Story of Civilization, Vol. 9). N.Y., 1965. P. 487.

Gibbon E. The Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. I. P. 314. (Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи: в 7 т. СПб.: Наука; Историческая библиотека, 2004. Т. 1.)

Множественное число (так как авторов двое) *ressavi*
— «каюсь, грешен» (лат.). *Прим. пер.*

Джеймс Босуэлл — шотландский писатель, наиболее известный биографией Сэмюэля Джонсона. Эта книга считается одним из лучших жизнеописаний на английском языке. *Прим. ред.*

Доменико Скарлатти и Фаринелли, уроженцы Неаполитанского королевства, снискали славу в Мадриде, при испанском королевском дворе. Фаринелли, знаменитый певец-кастрат, жил под патронажем испанского королевского дома. Композитор и клавесинист Доменико Скарлатти прибыл в испанскую столицу как учитель музыки португальской принцессы, будущей королевы Испании, здесь он прожил почти четверть века, тут у него родилось пять детей, здесь же он умер и похоронен. *Прим. ред.*

Иоганн Кристиан Бах (1735–1782) — композитор и пианист эпохи классицизма, 18-й ребенок Иоганна Себастьяна Баха и самый младший из одиннадцати его сыновей. Оказал влияние на концертные стили Гайдна и Моцарта. В 1755 г. Бах отправился из Германии в Италию, где обрел влиятельного покровителя графа Литту.

Джеймс Уатт (1736–1819) — шотландский инженер-изобретатель, создатель универсального парового двигателя, положившего начало промышленной революции в Англии. *Прим. ред.*

В 476 г. был низложен последний римский император Ромул Августул. Этот год знаменует собой падение Западной Римской империи и начало новой эпохи — Средневековья. В оригинале, вероятно по ошибке, указан 465 год. *Прим. ред.*

Петроний Арбитр — древнеримский литератор, философ и политик I в. н. э., автор романа «Сатирикон».
Прим. ред.

Тит Лукреций Кар — древнеримский поэт и философ-материалист I в. до н. э. *Прим. ред.*

Durant W. Caesar and Christ. A History of Roman Civilization and of Christianity from Their Beginnings to A.D. 325 (The Story of Civilization, Vol. 3). N.Y., 1944. P. 296-297.

Десять заповедей. *Прим. пер.*

Император Священной Римской империи Генрих IV, отлученный римским папой от церкви и терявший лояльность германских феодалов, в 1077 г. пересек Альпы и достиг Каноссы, где покаялся перед Григорием VII, что ознаменовало победу папства. *Прим. ред.*

Константинов дар — подложный дарственный акт императора Константина Великого римскому папе Сильвестру I, предположительно изготовленный во второй половине VIII в. или в IX в. Согласно ему, император Константин, правивший в 306–337 гг. и сделавший христианство официальной религией Римской империи, передал римскому папе всю власть над Западной Римской империей. *Прим. ред.*

Durant W. The Age of Faith (The Story of Civilization, Vol. 4). N.Y., 1950. P. 525-526.

См. поэму «Анатомия мира: первая годовщина» (An Anatomy of the World: The First Anniversary). *Прим. пер.*

Деизм (от лат. deus — бог) — религиозно-философское течение, распространившееся в Западной Европе в XVII–XVIII вв. Его сторонники полагали, что вера в бога может быть обоснована только разумом, и представляли бога трансцендентным «механиком», сконструировавшим мир и после создания этого грандиозного механизма самоустранившимся от дел. Миром, словно часовым механизмом, управляют механические законы, извечные, неизменные и совершенные; в нем нет места сверхъестественным явлениям, мистике и чудесам. Единственным средством познания бога и его воли являются разум, логика и наблюдение за природой, потому деисты были гиперкритично настроены по отношению к религиозным догматам и фанатизму, ко всем религиозным институтам и священству, призванному только поддерживать атмосферу таинственности и невежества народа. *Прим. ред.*

Вестминстерское исповедание веры — краткое изложение кальвинистской религиозной доктрины, разработанное Вестминстерской ассамблеей в период Английской революции XVII в. Стало официальной доктриной пресвитерианских церквей Шотландии (1647) и Англии (1648), а также других пресвитерианских церквей мира. *Прим. ред.*

Plato. Laws. No. 948. (Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4: Законы. М.: Мысль, 1994.)

Низложение Одоакром императора Ромула
Августула, традиционная дата падения Римской
империи. *Прим. пер.*

Durant W. Our Oriental Heritage (The Story of Civilization, Vol. 1). N.Y., 1935. P. 205-213.

Ibid. P. 416–419, 434, 504.

Кульг Разума был призван покончить с христианством в революционной Франции. Журналист Жак-Рене Эбер и член Парижской коммуны Пьер Гаспар Шометт, активные участники Французской революции, основали этот культ в 1793 г., после декрета о запрете католического богослужения и закрытии всех церквей. Однако культ просуществовал меньше года и был официально упразднен в марте 1794-го. *Прим. ред.*

Эрнест Жозеф Ренан — французский религиовед, философ и историк, автор восьмитомной «Истории происхождения христианства» (1863–1883). *Прим. ред.*

Renan. The Apostles, XXXIII.

Жозеф де Местр — французский католический философ, один из самых влиятельных идеологов консерватизма конца XVIII — начала XIX в. *Прим. ред.*

Lemaître J. Jean-Jacques Rousseau. N.Y., 1907. P. 9.
Цитата неточна. В оригинале: «Не знаю, какова жизнь
негодяя, я никогда им не был; но жизнь порядочного
человека — омерзительна». *Прим. пер.*

Durant W. The Mansions of Philosophy. A Survey of Human Life and Destiny. N.Y., 1929. P. 568.

Марло К. Трагическая история доктора Фауста, сцена XIII (перевод Н.Н. Амосовой). *Прим. пер.*

Делосский союз (афинский морской союз) — военные и политические объединения древнегреческих полисов во главе с Афинами, складывавшиеся в V–IV вв. до н. э. *Прим. ред.*

Реконкиста — многовековой процесс освобождения Пиренейского полуострова, большую часть которого захватили арабы в первой половине VIII в. Завершился в 1492 г. *Прим. пер.*

Бунт лорда Гордона — антикатолические массовые беспорядки в Лондоне 2-7 июня 1780 года, ставшие самыми разрушительными в Англии в XVIII в. *Прим. ред.*

Сентябрьские расправы — трагический эпизод Великой французской революции; осуществленные революционной толпой в начале сентября 1792 года массовые убийства врагов революции (неприсягнувших священников, протестовавших против постановлений новых властей, подозреваемых в сочувствии к монархии и пр.), заточенных в тюрьмах в Париже, Лионе, Версале и других городах. *Прим. ред.*

Конкиста — стремительное завоевание Пиренейского полуострова арабами и берберами, принявшими ислам, в начале VIII в. *Прим. пер.*

Durant W. The Reformation. A History of European Civilization from Wycliffe to Calvin, 1300-1564 (Story of Civilization, Vol. 6). N.Y., 1957. P. 752.

Durant W. The Age of Louis XIV (The Story of Civilization, Vol. 8). N.Y., 1963. P. 720.

Плутарх. Солон // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. М.: АН СССР, 1961. Т. I.

Durant W. The Life of Greece (The Story of Civilization, Vol. 2). N.Y., 1939. P. 112-118.

Плутарх. Тиберий и Гай Гракхи // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. М.: АН СССР, 1961. Т. III.

Принципат (лат. principatus, от princeps — первый) — период ранней империи в Древнем Риме (27 г. до н. э. — 284 г. н. э.), в течение которого при фактической власти монарха сохранялись республиканские институты. Глава государства (фактически император) именовался титулом принцепс (первый сенатор, первый гражданин республики), что подчеркивало его формальную роль «первого среди равных». На смену принципату пришел доминат — новый этап трансформации Древнего Рима в абсолютную монархию. *Прим. ред.*

Римский мир (лат.). *Прим. пер.*

Durant W. Caesar and Christ. A History of Roman Civilization and of Christianity from Their Beginnings to A.D. 325 (Story of Civilization, Vol. 3). N.Y., 1944. P. 111-122, 142-144, 180-208.

Жакерия — самое крупное крестьянское восстание (1358) в истории Франции, произошедшее в самый разгар Столетней войны (1337–1453). Крестьяне, недовольные увеличением налогов, ростом цен, последствиями эпидемии чумы, грабежами мародеров и военных отрядов, подняли в 1358 г. восстание и обратились против дворян, разрушив их замки и вынудив многих бежать. Название «жакерия» — термин более позднего времени — происходит от имени Жак (так дворяне называли своих крестьян). *Прим. пер.*

Encyclopaedia Britannica. 1966. Vol. II. 962b.

Законы Хаммурапи — свод законов старовавилонского периода, созданный при царе Хаммурапи в 1750-х гг. до н. э. Один из древнейших правовых памятников в мире. *Прим. ред.*

Durant W. Our Oriental Heritage (The Story of Civilization, Vol. 1). N.Y., 1935. P. 231.

Durant W. The Life of Greece (The Story of Civilization, Vol. 2). N.Y., 1939. P. 587–592.

Септуагинта — перевод Ветхого Завета на древнегреческий язык для еврейской общины Александрии Египетской, говорившей преимущественно на греческом. Был выполнен в III–II вв. до н. э. Евреи диаспоры эпохи эллинизма, судя по всему, не пользовались (или почти не пользовались) ивритом, говорили и писали на греческом и/или латыни. *Прим. ред.*

Paul-Louis. Ancient Rome at Work. London, 1927. P. 283–285.

Durant W. Caesar and Christ. A History of Roman Civilization and of Christianity from Their Beginnings to A.D. 325 (Story of Civilization, Vol. 3). N.Y., 1944. P. 641 f.

Granet M. Chinese Civilization. N.Y., 1930. P. 113. (Гране М. Китайская цивилизация. М.: Алгоритм, 2016.)

Там же.

Durant W. Our Oriental Heritage (The Story of Civilization, Vol. 1). N.Y., 1935. P. 700f.

Gowen H.H., Hall J. Outline History of China. N.Y., 1927.
P. 142.

Цит. по: *Carter T.F.* The Invention of Printing in China and Its Spread Westward. N.Y., 1925. P. 183.

Durant W. Our Oriental Heritage (The Story of Civilization, Vol. 1). N.Y., 1935. P. 724-726.

Имеется в виду война гуарани 1754–1756 годов. Иезуиты и индейцы отказались покинуть земли миссии, отошедшие по Мадридскому договору 1750 г. Португалии, а также отказались признавать власть португальцев над собой. Началась война, в которой индейцы и орден проиграли объединенным испано-португальским войскам. Земли миссии были заняты португальцами и бразильцами, а в 1777 г. Испания в одностороннем порядке вышла из Мадридского договора и вернула себе земли семи иезуитских миссий.
Прим. ред.

Durant W. The Age of Reason Begins (The Story of Civilization, Vol. 7). N.Y., 1961. P. 249-251.

Kautsky K. Communism in Central Europe in the Time of Reformation. London, 1897. P. 121, 130. (*Каутский К.* История социализма. Предтечи новейшего социализма. М.: Академический проект, 2013. С. 107–408.)

Durant W. The Reformation A History of European Civilization from Wycliffe to Calvin, 1300-1564 (The Story of Civilization, Vol. 6). N.Y., 1957. P. 383, 391, 398-401.

Имеется в виду Великая хартия вольностей 1215 года — один из фундаментальных документов в истории Великобритании, повлиявших на политический, гражданский и судебный ландшафт страны, хотя на момент подписания хартия была соглашением между английским королем и английскими баронами, вынудившими своего правителя гарантировать им определенные права, свободы и процедуры. К Magna Carta обращались и отцы-основатели США, составляя Декларацию независимости и Билль о правах. Ее же положения нашли свое отражение и во Всеобщей декларации прав человека. Иными словами, к хартии восходят принципы верховенства закона, беспристрастного судебного разбирательства, защиты от произвола и необоснованного преследования властей. В современном англосаксонском мире Magna Carta считается самым важным документом в истории Британии, что делает более понятной аналогию между Хартией и Манифестом. *Прим. ред.*

Книга вышла в 1968 г. *Прим. ред.*

Александр Поуп (1688–1744) — крупнейший английский поэт эпохи классицизма. *Прим. ред.*

Известный афоризм Поупа: For Forms of Government let fools contest; whatever is best administered is best («Удел глупцов судачить о режимах; тот лучше всех, что лучше приложимый»). *Прим. пер.*

Принцип устройства Польского сейма того времени, согласно которому любой депутат мог прекратить обсуждение любого вопроса. *Прим. пер.*

То есть от восшествия Нервы и до смерти Марка Аврелия. *Прим. пер.*

Gibbon E. The Decline and Fall of Roman Empire. Vol. I. P. 31 (*Гиббон Э.* История упадка и крушения Римской империи: в 7 т. СПб.: Наука; Историческая библиотека, 2004. Т. I.)

Добавим, что некоторые историки считают эпоху Антонинов исключением из общей тенденции упадка. См. *Toynbee A.J. A Study of History*. London, 1935. IV, 60. (*Тойнби А. Постижение истории*. М.: Айрис-Пресс, 2002.)

Первая фраза приписывается «королю-солнцу» Людовику XIV; вторая принадлежит фаворитке Людовика XV маркизе де Помпадур (мадам Помпадур).
Прим. пер.

См. *Taine H.A.* The French Revolution. N.Y., 1931. Vol. II.
P. 209–233.

Седьмой президент США и первый избранный кандидат от Демократической партии (1829–1837).
Прим. пер.

Gomme A.W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C. P. 21, 26, 47; *Durant W.* The Life of Greece (The Story of Civilization, Vol. 2). N.Y., 1939. P. 254.

Durant W. The Life of Greece. N.Y., 1939 (The Story of Civilization, Volume 2). P. 284; цит. по: *Фукидид. История*. М.: Наука, 1999. Т. III. С. 81–82, 83, 84.

Plato. The Republic, 560–564. (Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.)

Nouveau riche — новый богач (*фр.*), то есть тот, кто лишь недавно разбогател. *Прим. пер.*

99 *Plato. The Republic, 560–564.* (Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.)

Aristotle. Politics, 1310. (Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.)

Isocrates. Works. Archidamus, 67. (Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. М.: Ладомир, 2013.)

Durant W. The Life of Greece (The Story of Civilization, Vol. 2). N.Y., 1939. P. 464-466.

Durant W. Caesar and Christ. A History of Roman Civilization and of Christianity from Their Beginnings to A.D. 325 (The Story of Civilization, Vol. 3). N.Y., 1944. P. 128-130.

Durant W. Caesar and Christ. A History of Roman Civilization and of Christianity from Their Beginnings to A.D. 325 (The Story of Civilization, Vol. 3). N.Y., 1944. P. 128-130.

Документ, защищающий права свободных людей Англии. Подписан Иоанном Безземельным в 1215 г.
Прим. пер.

Имеются в виду заключительные слова «Манифеста коммунистической партии»: «Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир». *Прим. пер.*

Цитата из речи 1856 года. Полностью фраза звучит следующим образом: «Можно все время дурачить некоторых, можно некоторое время дурачить всех, но нельзя все время дурачить всех». *Прим. пер.*

Bizarrerie — вычурность, странность, причудливость
(фр.). *Прим. пер.*

См.: *Эсхил. Агамемнон: «Знаю: меч подъявший // Мечом сражен»* (пер. Вяч. Иванова). *Прим. пер.*

Полностью фрагмент 53 (по Дильсу — Кранцу) выглядит так: «Война — отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными». *Прим. пер.*

К концу VII в. арабы захватили огромные пространства в Северной Африке и вплотную подошли к границам Пиренейского полуострова; всего за несколько лет, в самом начале VIII в., они покорили его почти весь. Войско франков во главе с Карлом Мартеллом разбило силы арабского халифата при Пуатье в 732 г., не позволив арабам развить дальнейшее наступление. В историографии это сражение много столетий трактовалось как залог сохранения христианства и спасение Европы от исламизации, особенно на фоне 700-летней Реконкисты (христианской Испании потребовалось семь веков, чтобы восстановить свою власть над Пиренейским полуостровом). *Прим. ред.*

143

Имеется в виду наследие античной культуры. *Прим. ред.*

В 1960-х гг., когда была написана эта книга, и капиталистические страны, и страны коммунистического блока находились в процессе демографического перехода (перехода от высокой рождаемости и высокой смертности к низким показателям). Европа именно с середины 1960-х гг. вступила в фазу второго демографического перехода, ознаменованную долговременной тенденцией к снижению рождаемости, в то время как большинство соцстран переживали первый демографический переход, что могло восприниматься современниками как угрожающий разрыв между рождаемостью капстран и соцстран. *Прим. ред.*

Эссе написано за 20 лет до падения Берлинской стены. *Прим. пер.*

Книга вышла в 1968 г., одновременно с протестами против войны во Вьетнаме. *Прим. пер.*

«Золотое правило нравственности» гласит: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Это правило лежит в основе авраамических религий (иудаизма, христианства, ислама), индуизма, буддизма, джайнизма, конфуцианства и является глобальным этическим принципом. *Прим. ред.*

Durant W. Our Oriental Heritage (The Story of Civilization, Vol. 1). N.Y., 1935. P. 446.

Durant W. Caesar and Christ. A History of Roman Civilization and of Christianity from Their Beginnings to A.D. 325 (The Story of Civilization, Vol. 3). N.Y., 1944. P. 218.

Эдмунд Бёрк — английский государственный деятель XVIII в., мыслитель и публицист эпохи Просвещения, основоположник консерватизма. *Прим. ред.*

См. *Seebohm F.* The Age of Johnson. London, 1889. XIII.

См. *Durant W.* The Mansions of Philosophy. A Survey of Human Life and Destiny. N.Y., 1929. P. 355; *Тоунбее А.Д.* Study of History. London, 1934. IV. 27f. (*Тойнби А.* Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2002.)

Звездочет, кормчий аргонавтов. *Прим. пер.*

Перевод С. Шервинского.

Джамбаттиста Вико — итальянский философ и историк первой половины XVIII в., выдвинувший циклическую теорию развития общества, согласно которой история всех народов развивается по спирали, проходя через три этапа (божественный, героический и человеческий). *Прим. ред.*

Огюст Конт — французский философ XIX в., разработавший концепцию трех стадий интеллектуальной эволюции человечества: теологической (все явления объясняются через религиозные представления), метафизической (первопричины всех явлений объясняются не сверхъестественными, а абстрактными силами) и научной (научное познание мира). *Прим. ред.*

Цит. по: *Базар С.-А.* Изложение учения Сен-Симона.
М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1947.

По горькой иронии книга вышла в 1968 г.,
ознаменованном вторжением советских войск
в Чехословакию. *Прим. ред.*

Шарль Морис де Талейран-Перигор (1754–1838) — французский политик и дипломат, сделавший фамилию своего рода синонимом хитрости, двуличия и беспринципности. Так, будучи епископом, он становится депутатом Генеральных штатов, участвует в написании Декларации прав человека и гражданина (1789) и выступает за национализацию земель и имущества церкви. При трех режимах (Директория, империя Наполеона и Реставрация Бурбонов) он оставался главой французского министерства иностранных дел. За свою карьеру принес 14 противоречащих друг другу присяг. *Прим. ред.*

Spengler O. Decline of the West. N.Y., 1927. Vol. I. P. 338, 353, 390. (*Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Мысль, 1998. Т. I.)

См. *Toynbee A.J.* Study of History. London, 1934. I. 271f.
(*Тойнби А.* Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2002.)

3 августа Христофор Колумб отправился на трех судах на поиски Индии; 12 октября был открыт американский континент. *Прим. пер.*

Авторы полагали, что христианство как ведущая сила, определяющая мировоззрение и жизнь людей, осталось в XIX в. и XX век стал первым столетием, в котором оно утратило эту роль. *Прим. ред.*

«Отрадно и почетно умереть за отечество» (лат. Dulce et decorum est pro patria mori) — известное изречение Горация, древнеримского поэта I в. до н. э., жившего в эпоху глубочайшего кризиса республики и заставшего начало принципата Октавиана Августа.
Прим. ред.

См. *Платон*. Государство. VII. 539b.

Авторы используют термин «душевная раса» для описания характеристик, находящихся под влиянием культуры и истории народа, их «генетической памяти» как этнокультурной и исторической общности. *Прим. ред.*

В настоящем эссе мы использовали некоторые отрывки из книги *Durant W. The Mansions of Philosophy. A Survey of Human Life and Destiny. N.Y., 1929.*

См. *Bagehot W.* Physics and Politics. Boston, 1956.
P. 110.

Экклезиаст, 1:18.

Джованни Пьерлуиджи да Палестрина (1526–1594) — итальянский композитор, органист и хоровой дирижер, один из крупнейших полифонистов Ренессанса. *Прим. ред.*

Знаменитый британский востоковед, переводчик
«Тысячи и одной ночи». *Прим. пер.*

Lane E. Manners and Customs of the Modern Egyptians. London, 1846. Vol. II. P. 66. (*Лэйн Э.* Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. Гл. 9. М.: Наука, 1982.)

Durant W. Our Oriental Heritage (The Story of Civilization, Vol. 1). N.Y., 1935. P. 237.

Todd A.J. Theories of Social Progress. N.Y., 1934. P. 135.

Siegfried A. America Comes of Age. N.Y., 1927. P. 176.

Агора — главная площадь древнегреческих полисов, центр торговли и общественной жизни, гражданского управления и судопроизводства; именно здесь была сосредоточена городская торговля, и здесь же проходило собрание всех граждан античного полиса.

Прим. ред.

Комиции — народные собрания (куриатные, центуриатные и трибутные) в Древнем Риме, обладавшие законодательными, судебными и выборными функциями; собирались на форуме и Марсовом поле (участок на римском форуме, где проходили собрания, назывался комиций). *Прим. ред.*